

Ю. М. Свойский

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ХАЛХИН-ГОЛА

История бойцов и командиров РККА,
прошедших через японский плен

Университет Амитрия Пожарского

Юрий Свойский

**Военнопленные Халхин-
Гола. История бойцов и
командиров РККА, прошедших
через японский плен**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2014

УДК 94/95
ББК 63.3+68.54

Свойский Ю. М.

Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен / Ю. М. Свойский — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2014

ISBN 978-5-91244-130-1

Одним из «тёмных мест» истории военного конфликта на Халхин-Голе является «проблема военнопленных». До настоящего времени она остается слабо изученной, а все опубликованные данные – противоречивыми и фрагментарными. Предметом настоящего исследования являются различные аспекты истории военнопленных Халхин-Гола – обстоятельства и причины пленения бойцов и командиров РККА, обращение с ними в японском плену, взаимодействие пленных с русской эмиграцией в Маньчжурии и японской военной разведкой, ход переговоров по обмену военнопленными и процедура обмена, действия военно-политического руководства СССР по отношению к возвратившимся из плена и их дальнейшая судьба. Основой для всестороннего исследования этого аспекта Халхингольской войны стали архивные материалы – объяснительные записки и заявления бывших военнопленных, материалы следствия, произведенного ГУГБ НКВД, приговоры военных трибуналов, документы прокуратуры, военного командования и политических органов РККА. В издание включены биографические сведения о военнослужащих РККА, возвратившихся из японского плена, убитых японцами после пленения и попавших в плен, но из плена не вернувшихся, а также 99 документальных материалов.

УДК 94/95

ББК 63.3+68.54

ISBN 978-5-91244-130-1

© Свойский Ю. М., 2014
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2014

Содержание

Предисловие	15
«Самурайские когти схватили меня...»	19
«Нужно другу заказать как попадать в плен...»	37
«У штаба выбросили меня связанного из машины вниз головой...»	44
В Хайдаре и Харбине	49
«Сопровождая этот допрос похабной клеветой против СССР...»	56
«При допросе мне сразу дали две пощечины...»	58
«Наши пленные молча прошли мимо нас...»	60
Переговоры	60
Обмен	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юрий Свойский

Военнопленные Халхин-Гола.

История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен

Университет Дмитрия Пожарского Москва 2014

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

“Prisoners’ of war problem” is one of the most obscure issues of the Nomonhan (Khalhin-Gol) conflict history. So far, it remains poorly studied and all published data is contradictory and patchy. The subject of this study are various aspects of the story of the Red Army ranks and officers, captured at Nomonhan – from the circumstances of capture through the treatment in Japanese captivity, interaction with Japanese military intelligence and Russian emigres in Manchuria, negotiations on the prisoners’ exchange and exchange procedure, towards treatment of returned former prisoners by Soviet military and political authorities and their subsequent fates.

The present research is based mostly on archival materials – after-action written explanations and statements of the former prisoners of war, the investigation materials prepared by GUGB NKVD, sentences of military tribunals, documents produced by military prosecution and high-ranking military and political officers.

The book includes biographical information about the Red Army soldiers released from Japanese captivity, as well as on those who was murdered by Japanese military after the capture or disappeared after being taken prisoner. Documentary section consists of 99 archival documents, related to the subject.

Сов. Секрет

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННЫХ
ДЕЛ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
тов. ВОРОШИЛОВУ.

При обмене пленными после боев в районе реки Халхин-Гол
возвратили нам 77 человек

Среди них: рядовых 57
младших командиров 12
Средних 7
старших 1

Политсостава в плену не было.

В числе пленников: членов ВКП(б) 3
Кандидатов ВКП(б) - 5
Комсомольцев 19
Беспартийных 50

Переменного состава 37 человек. Остальные 40 человек
кадровые.

Не возвращены и остались добровольно у японцев перешед-
шие на сторону противника - капитан КАЗАКОВ, лейтенант ЕРЕМИН
и один цирк МПРА.

По показаниям возвращенных из плена у японцев находятся:
сержант ГУСАРОВ, инженер Г.В.Ф. ПОЛЮБ, летчик - капитан АЛАТОН и
сержант старший лейтенант ДОБЫШ.

Проведенным опросом установлено, что при пленении оказыва-
ли сопротивление 9 человек.

Не смогли сопротивляться вследствие ранений 13 человек.
Не имели при себе оружия 4 человека.

Всего были схвачены японцами 11 человек.

Сдался в плен добровольно с оружием в руках 1 человек.
Который не хотел сотрудничать с врагом и был
из них 8 человек красноармейцев-переменников 5-й мото-
стрелковой бригады во главе с изменником Родине командиром 3-го
батальона - капитаном КАЗАКОВЫМ сдался в плен японцам при сле-
дующих обстоятельствах: Вечером 9-го июля наступающий на про-

230

11-30-30

РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.230

- 2 -

тивника 3-й батальон 5 МСБ окопался. 10 июля японцы открыли
по расположению батальона ружейно-пулеметный огонь. В этот
при которой находился командир батальона капитан КАЗАКОВ бро-
сила окопы и разбежалась. Вокруг КАЗАКОВА собралось 13 чело-
век. Казаков повел эту группу, яко бы раскопывать 1-й баталь-
он. Здесь же приказал красноармейцу АЛИКИНУ снять нагильную
рубашку и повесить ее на штык своей винтовки. Что Аликин и
сделал. Пройдя около 3-х километров, группа наткнулась на япон-
цев, которые открыли огонь. Два красноармейца были убиты, а
Казаков и красноаремец Некрасов ранены. Аликин испугался и
сбросил со штыка рубашку. Тогда Казаков поднял эту рубашку
на штык своей винтовки. Японцы огонь прекратили. К группе
Казакова в количестве 10 человек подошли 4 японца, отобрали
оружие, связали всем руки и повели в плен.

В японском штабе Казаков сразу же отдал офицеру карту,
все имеющиеся у него документы и заявил: "Хотел привести вам
всю роту, а удалось привести только 13 человек". Об этом оду-
час измени японцы рассказывали в своих газетах.

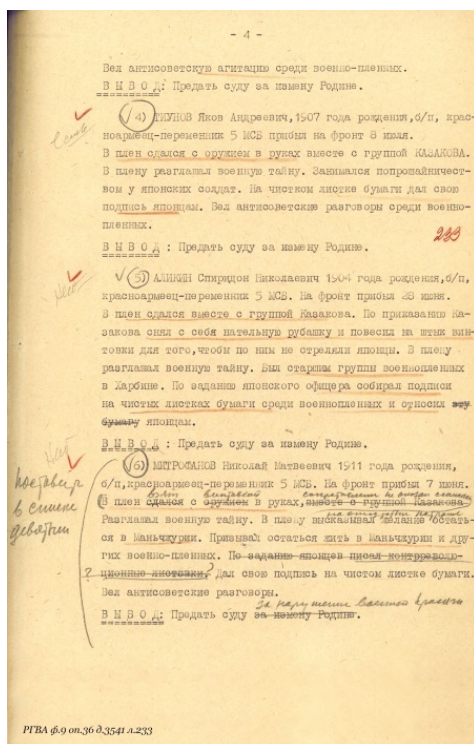
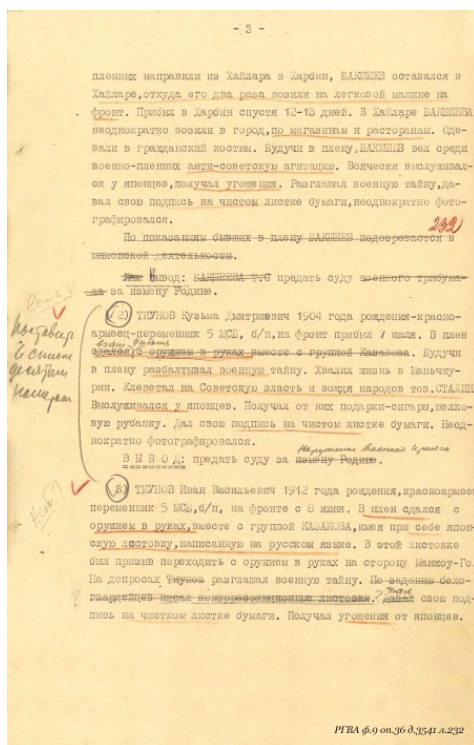
Было два случая, когда группа в 5 и другая группа в 4 че-
ловека, имея при себе винтовки, патроны и гранаты без сопротив-
ления сдалась в плен японцам.

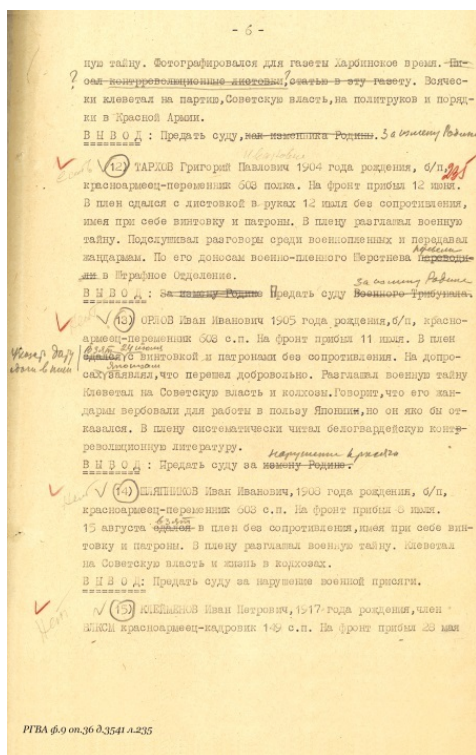
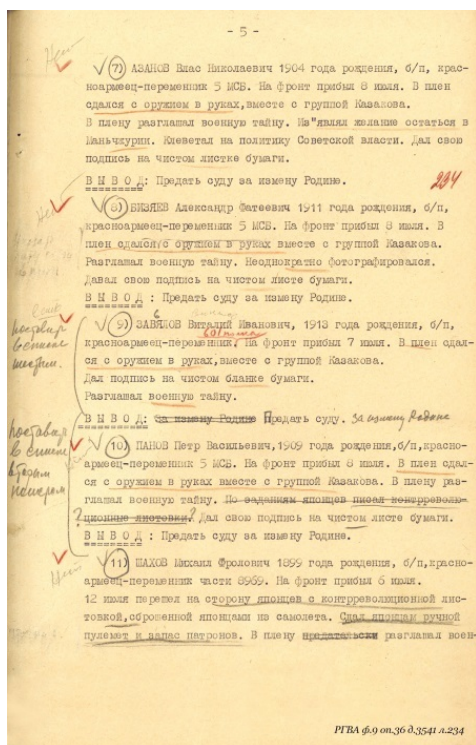
Сдался в плен с оружием в руках 1 человек при себе япон-
ские листовки переменники ПАХОВ, ТАРЛОВ, ТИТОВ А. и ТИТОВ И.
Будучи в плену эти люди заставляли японцев рассказывать
агитацией и всячески клеветали на Советскую власть и жизнь в
СССР.

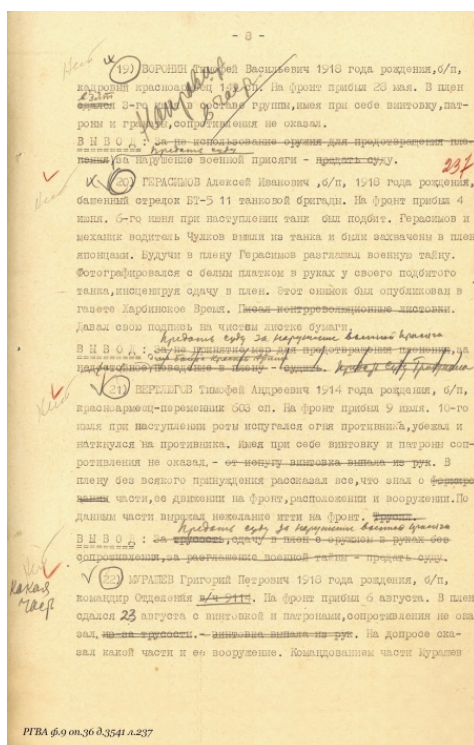
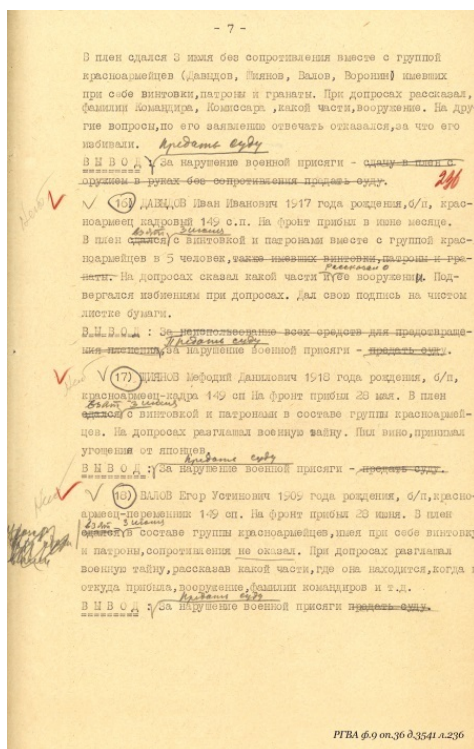
Опрося каждого возвращенного из плена и расспросив име-
ющиеся на них материалы - показывали пленников, отныне частей при-
шли к следующему выводу:

1) БАКИНОВ Тимофей Степанович 1906 года рождения красно-
аремец - переменник 5 МСБ, 6/п прибыл на фронт 6 июля. В плен
сдался с оружием в руках 10 июля вместе с группой КАЗАКОВА.
Имеет в Маньчжурии дядю, которого так разыскивал. Когда всех

РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.231

РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.246

PIBA ф.9 оп.36 д.3541 л.241

- 13 -

✓ (40) КАТАЛАНЕВ Ватир Амвросиевич 1916 года рождения, член ВКП(б) кадровый красноармеец 149 сп. На фронт прибыл 27 мая, а в плен попал 28 мая. Будучи в дозоре с младшим политруком (Комаровым) попал в плен японцам. Сопротивления не оказал. Комарового японцы задушили. Каталанев рассказывал военную тайну. До 4 июня пребывания в плену неоднократно выставляли на допрос. На предложение сотрудничать с японцами якобы отказывался. В Н В О Д: (за нарушение военной присяги - предать суду.)

✓ (41) ДРАПЧО Анастоллий Андреевич, 1916 года рождения, член ВКП(б), красноармеец кадра 149 сп. На фронт прибыл в июне месяце. В плен попал без сопротивления 7 августа. Был при себе винтовку и гранату. В плену говорил, что сдался добровольно. Рассказывал военную тайну. Киветел на партию и Советскую власть. Говорил японцам, что его насильно заставили вступить в комсомол. В Н В О Д: (за нарушение военной присяги - предать суду.)

✓ (42) БУРДЕНКО Александр Иванович, 1916 года рождения, член ВКП(б), красноармеец-кадровик, с 149 сп. Прибыл на фронт 5 июля. Был пленен сержантом с японцами в плену 5 июля. В плену фотографировался у подбитого танка с японцами, инсценируя сдачу в плен. Рассказывал военную тайну. Показывал японцам истерики по поводу пленения. Выказывал желание остаться у японцев. В Н В О Д: (за нарушение военной присяги - предать суду.)

✓ (43) СТРЕКАЛОВ Владимир Семенович, член ВКП(б) майор, командир бронетанкового батальона 7 ИБВ. На фронт прибыл 30 июня, 3 июля во время атаки бронетанковым подразделением на горе Баин-Цага, его бронетанк был подбит - загорелся. Стрекалов будучи обожженным покинул бронетанк и отполз в сторону. По его показаниям потерял сознание и в это время его освятили японцы. При допросах Стрекалов пытался давать неправдоподобные показания, но о том кто он откуда прибыл, о своем чине, он рассказывал японцам.

РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.242

- 14 -

В плену находился в одиночной камере. При допросах его часто избивали. Удалось подняться на черном ящике бумаги. По словам многих вернувшихся из плена, Стрекалов вел себя стойко. Уши других не поддавались японцам, не рассказывали военной тайны. Разоблачать клевету против Советской власти. В Н В О Д: (за нарушение военной присяги - предать суду.)

✓ (44) КАТАНОВ Павел Иванович 1913 года рождения, член ВКП(б) младший лейтенант, в РККА с 1935 года начальник связи 3-го батальона 508 полка. На фронт прибыл 12 июля. В плен попал 15 июля при прокладке телефонной линии в одну из рот. Заблудился. Попал на руку японцев, потерялся по пути его японцы вели в плен. Отобрали пистолет, список личного состава вклада связи, повинили рот, комсомольский билет. На допросе рассказывал какой части, фамилию командира и название части. Предлагали остаться в Японии - отказался. В Н В О Д: Как скомпрометированного себя прибывавшим в плену уведуть из рядов РККА.

✓ (45) ШИШКОВ Андрей Семенович 1914 года рождения, кандидат в члены ВКП(б) летчик 150 полка СБ. В плен попал 23 августа, выпрыгнул на парашюте с подбитого, сбитой японцами, самолета. Был легко ранен в голову. Присекался на территории противника. При приближении японцев, по его показаниям, хотел застрелиться, но не оказалось патронов. В плену под уткой обматривал у него письма от жены и кандидатской карточки, которую забрали японцы. В плену был признан, что он приехал из Баки в МВР, что он кандидат партии. Других показаний якобы не давал. В Н В О Д: Как скомпрометированного себя прибывавшим в плену из рядов РККА - предать суду.

РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.243

В Н В О Д : Перевести во внутренний округ.

По отзывам других военнопленных Красночуб вел себя в плену стойко, за что неоднократно избивался при допросах и был посажен в отдельную камеру. Недировали от остальных п-онных.

В ы в о д: Перевести во внутренний округ.

У (43) МАКШИНОВ Николай Яковлевич, 1908 года рождения, член ВП (а), старший лейтенант командир взеса СВ 31 авиасадирьяны. 21 августа его самолет был сбит зенитной противника. Максимов выпрыгнул из горящего самолета. Присоединился на территории при-
Сопротивления не оказал из-за озота лица и рук. При допросах давал вымышленные показания. Неоднократно избивался японцами.
Других компрометирующих материалов нет.

В Н В О Д : Перевести во внутренний округ.

PIBA ф.9 оп.36 д.3541 л.244

-18-

Остальных 34 человек, часть из которых зацарапавшись о оружием в руках
и часть взята в плен ранеными их схвачены внезапно направить в свои част
для дальнейшего прохождения служб.

Передаем описание этих товарищей.

[illegible]

Просим вашего решения.

Maryland

КОМИССАР ФРОНТОВОЙ ГРУППЫ-
КОРПУСНОЙ КОМИССАР /ВИРТНОВ/

КОММУНАР ВВС 1-й АРМЕЙСКОЙ ГРУППЫ-
ПОЛКОВОЙ КОММУНАР *Цевен* /ЦЕВЕНКО/

PIBA 6.9 on 36 d. 3541 A.245

Предисловие

В большинстве исследований по истории Халхингольской войны вопросы потерь сторон пленными, обращение СССР и Японии с военнопленными противника, а также со своими военнослужащими, возвратившимися из плена, практически никогда не рассматриваются. Как правило, авторы ограничиваются утверждением, что после окончания конфликта был произведен обмен пленными или сообщают число переданных Японии военнопленных – 88 человек 27 сентября 1939 года и 116 человек 27 апреля 1940 года, сообщая одновременно, что обмен производился из расчета «один за один», но не уточняя сколько советских военнопленных было возвращено японцами и не сообщая никаких других сведений.¹ В качестве курьёза можно упомянуть и о более экзотической версии, явившейся, по-видимому, следствием невнимательного чтения литературы: «27 сентября 1939 года Советский Союз выдал Японии 88 пленных, 27 апреля 1940 года японцы СССР вернули 116 человек».² Иногда встречаются, без указания источника, утверждения, что потери РККА пленными «по предварительным официальным советским сведениям» составили 216 человек.³ Единственным исключением является написанная в конце 1980-х годов монография Элвина Кукса,⁴ содержащая ряд ценных сведений о военнопленных обеих сторон и, в числе прочего – сведения о числе советских и японских военнопленных, переданных Японией и СССР в 1939 и 1940 годах. Согласно собранным им сведениям, основанным на японских документах и интервью с очевидцами, число переданных советских военнопленных составило 89 человек (87 в 1939 г. и 2 в 1940 г.), а японских военнопленных было возвращено 204 человека (88 в 1939 г. и 116 в 1940 г.). Однако, за отсутствием доступа автора к тогда еще советским архивным документам, ему пришлось отказаться от рассмотрения судеб красноармейцев и командиров РККА, прошедших японский плен, ограничившись лишь верным утверждением, что их ожидали тяжелые времена.

В конечном итоге, в литературе на русском языке численность советских военнопленных до настоящего времени не названа. Равным образом не опубликованы и сведения об обстоятельствах и причинах пленения бойцов и командиров РККА, обращении с ними в японском плену, ходе переговоров по обмену военнопленными и действиях военно-политического руководства СССР по отношению к возвратившимся. Настоящее исследование до некоторой степени восполняет этот пробел.

Практически полное отсутствие публикаций по проблеме предопределило реконструкцию событий практически полностью на документальных данных, преимущественно документах Российского Государственного Военного Архива. Доступный исследователю материал – объяснительные записки бывших военнопленных, выводы следствия, приговоры военных трибуналов, документы прокуратуры и политических органов РККА – по своей сущности неизбежно противоречив. Вполне естественным образом интересы вернувшегося из плена (избежать обвинения в измене Родине, нарушении присяги, антисоветской деятельности) были диаметрально противоположны интересам следствия (установить факт добровольной сдачи в плен, передачи противнику сведений военного характера, недостойного поведения в плену, сотрудничества с противником). Вследствие этого бывшие военноплен-

¹ Шитов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. Вече, М., 2001, стр. 513 и др.

² Широкопад А.Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Харвест, Минск, 2003, стр. 543.

³ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. Вече, М., 2003, стр. 95.

⁴ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990. На русский язык эта замечательная работа никогда полностью не переводилась, в переводе доступны лишь отдельные ее фрагменты, иногда без указания авторства.

ные старались создать благоприятное впечатление о своих действиях, а следователи имели склонность трактовать показания не в их пользу. Определенный баланс в этом конфликте интересов поддерживали армейские политические органы и военные трибуналы, однако и они в своих выводах руководствовались не только собранными фактами, но и эмоциями, а иногда – и находились под давлением военного командования. Поэтому следует считать, что искажения действительной картины событий в документах значительны и ее восстановление требует тщательного учета личностей авторов документов и обстоятельств составления документов, а также привлечения сторонних источников. В этих условиях, осложненных отсутствием полного комплекта материалов следствия и крайней фрагментарностью сопроводительной переписки, однозначное восстановление обстоятельств, по-видимому, не представляется возможным – можно лишь говорить о создании максимально непротиворечивой картины.

Сложность восстановления истины иллюстрируется историей красноармейца 171-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона 8-й мотобригады, попавшего в плен 6 июля 1939 года при отражении атаки японской пехоты и танков:

«...6-го июля в бою с японскими самураями ранило нашего командира старшину тов. Баранова, он стал звать о помощи, я бросился к нему на помощь, но не добегая до него, мне путь отрезали самурайские танки, я залег в окопе, крикнув командиру, чтобы он перестал кричать и стал бросать гранаты в танки, бросил 2 гранаты, затем, смотрю, бегут прямо на меня 2 самурая, я открыл по ним огонь, один самурай упал, второй бросился обратно за ту сопку. В это же время с другой стороны услышал самурайский крик, я обернулся в ту сторону и увидел шагах в 16 или 20 от меня стоял самурай, размахивая шашкой и бросился ко мне, я выскочил из окопа встретить его штыком, но тут с правой стороны мелькнула возле меня самурайская фигура, который ударил меня по голове прикладом, но приклад не попал в середину головы, а пошел вперед, и у меня от этого удара каска съехала с головы на лоб, но удар отразился на моей винтовке, винтовку выбило из моих рук, я от этого удара упал на колени, подняв голову увидел в щель, что возле меня прыгает самурай, хочет меня заколоть, я ухватил его правой рукой за штык, а левой за ствол и пригнул к земле. В это время подбежал самурай с шашкой и ударил меня ногой в левый бок, я упал. Тут надели на меня самураи, стали бить, стягивать снаряжение, я здесь еще раз крикнул последний раз: «командир, спасайся», и когда я уже был связан и лежал на земле в лапах самураев, я услышал в стороне, где лежал командир, взрыв, после взрыва я уже не слышал его голоса, просящего о помощи, здесь уже начались издевательства самураев надо мною, кто бил ногой, кто кулаком, кто топтал связанные руки и потом уже подошел ко мне самурайский офицер и обнажив наполовину шашку, стал водить по горлу, я плюнул на него и отвернулся, за это он меня ударил шашкой по голове, отчего я на время потерял сознание, когда я открыл глаза, меня опять подняли и хотели застрелить, но почему-то отставили и потащили за сопку, там били, затем посадили на танк сзади баини и отправили дальше. Когда подвели к офицеру, он ткнул шашкой и ударил в грудь кулаком, я упал на спину, мне завязали глаза и связали ноги...». Свидетелей, могущих подтвердить обстоятельства пленения, не было.

Следствие, однако, пришло к заключению, что «...**БУРНЯШЕВ Александр Данилович**, 1918 года рождения, член ВЛКСМ, красноармеец-кадровик 8 МББ. Прибыл на фронт 5 июля. В плен сдался с винтовкой в руках 6 июля. В плену фотографировался у подбитого танка с Герасимовым, инсценируя сдачу в плен. Разглашал военную тайну. Писал контрреволюционные листовки по заданию японцев. Высказывал желание остаться у японцев. Вывод: Судить за измену Родине...». Политотдел Фронтальной Группы, изучив отчет и материалы следствия, с osobистами в целом согласился: «...**Бурняшев Александр Данилович**, 1918 года рождения, член ВЛКСМ, кадровый красноармеец 8 МББ. Прибыл на фронт 5 июля. Взят в плен 6 июля. В плену фотографировался у подбитого танка с белым флагом, инсценируя

сдачу в плен. Высказывал желание остаться у японцев. Вывод: предать суду за нарушение военной присяги...».

Приговор военного трибунала не оспаривал данные, собранные во время предварительного следствия. Александр Бурняшев был обвинен *«в том, что он того же числа во время боевых действий оторвавшись от своего подразделения, при встрече с неприятельскими двумя солдатами также с оружием – винтовкой в руках и без сопротивления сдался в плен».*

«Экипаж советского танка сдается в плен, июль 1939 года». Постановочная фотография, сделанная около 7–9 июля. «Танкист» с забинтованной головой – стрелок 171-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона 8-й мотобронебригады красноармеец Александр Бурняшев, с белым платком – башенный стрелок танка 24-го отдельного танкового батальона 11-й танковой бригады красноармеец Алексей Герасимов. Красноармейцы были взяты в плен на разных участках фронта 6 июля 1939 года

Судебное следствие, однако, заметило, что на упомянутой фотографии, напечатанной в «Харбинском Времени» и растиражированной в иностранной (в том числе эмигрантской) прессе, Бурняшев отнюдь не позирует с белым флагом – белый носовой платок виден в руках совсем другого человека, красноармейца Герасимова. Военный Трибунал Забайкальского Военного Округа признал красноармейца Бурняшева виновным в добровольной сдаче в плен, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 193-22 УК РСФСР, предполагавшей применение высшей меры наказания. В целом трибунал, рассматривая дела бывших военнопленных, избегал расстрельных приговоров, предпочитая заменять их заключением в исправительно-трудовых лагерях, в большинстве случаев на 8-10 лет, чаще с конфискацией имущества и поражением в правах. Александр Бурняшев получил шесть лет. По-видимому, у председателя трибунала, военюриста 2-го ранга Пензина, имелись основания для предположения, что рассказ красноармейца об обстоятельствах пленения правдив, и что за сдачу в плен его судить нельзя. Косвенным подтверждением правдивости этого рассказа является забинтованная голова Александра Бурняшева на фотографии из «Харбинского Времени», вполне соответствующая его описанию полученных при пленении травм. А старшина 171-го батальона Сергей Александрович Баранов, упоминаемый в объяснительной записке, действительно погиб 6 июля 1939 года – через несколько дней он был найден и похоронен в братской могиле у центральной переправы. Можно предположить, что трибунал счел (возможно, под прямым давлением политорганов) сам факт участия в съемке постановочной фотографии сотрудничеством с противником. Но судить красноармейца Бурняшова «за фотогра-

фию» было абсурдом даже в 1939 году, поэтому формально он был осужден за сдачу в плен без сопротивления – получив при этом срок, близкий к минимально возможному.

Если в случае с Бурняшовым документов достаточно, чтобы относительно точно восстановить обстоятельства дела, то во многих других их катастрофически не хватает, что неминуемо ведет к ошибкам в реконструкции.

К сожалению, изученный комплекс документов нельзя назвать полным. Так, например, не удалось выявить часть приговоров военного трибунала (на 4 человек из 38 преданных суду), более половины «объяснений», написанных вернувшимися из плена (42 из 82), первый список военнопленных, составленный непосредственно в процессе обмена 27 сентября 1939 года, а также ряд важных документов, определивших порядок обращения с военнопленными, в том числе указания Наркомата Обороны и Политуправления РККА за сентябрь-октябрь 1939 года.

Неполнота комплекса документов оставляет открытыми ряд вопросов, касающихся как численных данных (число и фамилии военнослужащих, попавших в плен ранеными, умерших в плену, демобилизованных после возвращения из плена вследствие ранений), так и ряда не отраженных в доступных документах обстоятельств. Также, остается слабо изученным вопрос о судьбе попавших в плен монгольских цыриков. На большинство красноармейцев, возвращенных в части, уволенным по ранению и не подвергавшимся репрессиям, не удалось найти социально-демографических данных, что крайне затрудняет установление их дальнейшей судьбы.

Подготовка настоящего исследования была бы невозможна без помощи многих людей. В первую очередь автор хотел бы выразить свою признательность Игорю Сеченову, первым обратившему внимание на слабую изученность проблемы военнопленных Халхин-Гола, коллективу сотрудников РГВА, неизменно содействовавших в поиске документов, Сергею Абросову и Елене Дунаевой, прочитавшим рукопись и давшим ряд ценных замечаний, а также Екатерине Романенко, подвергшей текст жесточайшей критике и заставившей автора сделать его читаемым. В равной мере появление этой книги было бы невозможным без Анны Усачёвой и Наталии Колгарёвой, терпеливо подготовивших несовершенную рукопись к печати.

Кито – Химки, февраль-июль 2014 г.

Ю.С.

«Самурайские когти схватили меня...»

Первым пленным Халхингольской войны стал санинструктор 335-го отдельного авто-транспортного батальона 11-й танковой бригады, временно прикомандированный к 175-му отдельному моторизованному стрелково-пулеметному батальону старшина Хаим Дроб.

Неизвестный советский военнопленный, июль 1939 года

28 февраля 1939 года, после очередного обострения положения на монголо-маньчжурской границе, командующий 57-м Особым корпусом комдив Фекленко приказал сформировать на базе дислоцированных в Ундурхане частей 11-й танковой бригады моторизованный отряд и направить его в «Тамцакский выступ» для усиления дислоцированной в этом районе монгольской 6-й кавалерийской дивизии. Отряд был сформирован в составе 175-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона, 2-й батареи 354-го отдельного моторизованного артиллерийского дивизиона (самоходные установки СУ-12) и 3-ей бронероты 241-го автобронепатальона 9-й мотобронеприкрытия. Командиром отряда был назначен старший лейтенант Афиноген Быков (командир стрелково-пулеметного батальона), поэтому в дальнейшем в переписке группа, усилившая части МНРА в «Тамцакском выступе», именовалась «отрядом Быкова». 5 марта отряд прибыл в находящийся в 110 километрах от Халхин-Гола Тамцак-Булак, где и оставался до начала военных действий.

17 мая, после получения сообщений о перестрелках на границе и бомбардировке расположенной у озера Сумбэрийн-Цаган-Нур 7-й заставы пограничных войск МНР, комдивом Фекленко было приказано выделить из состава отряда Быкова разведывательную группу в составе стрелкового взвода, взвода противотанковой артиллерии и трех бронемашин ФАИ. Разведгруппе была поставлена задача произвести разведку на восточном берегу реки Халхин-Гол в районе барханов, расположенных непосредственно севернее устья реки Хайла-стын-Гол, и установить наличие и силу противника в этом районе.

В 7 часов утра 20 мая стрелковый взвод из состава разведки и 2 сабельных эскадрона 6-й кавдивизии переправились вброд на восточный берег Халхин-Гола и начали разведку в направлении вышеуказанных барханов. На подходе к барханам, в 300–400 метрах от них, разведка была встречена сильным ружейно-пулеметным огнем. Перестрелка (предположительно с боевым охранением 8-го кавалерийского полка армии Маньчжоу-Го силой до одного сабельного эскадрона и двух взводов пехоты при 12 пулеметах) продолжалась около четырех часов. В ночь с 20 на 21 мая советско-монгольская разведгруппа отошла на западный берег

Халхин-Гола, отсутствие санинструктора было обнаружено при переходе реки. Отбившийся от разведгруппы старшина Дроб заблудился в барханах и был захвачен баргутским разъемом, поиски его не дали результата.⁵ Через девять дней лондонское новостное агентство «Рейтере» сообщило, что «...захваченный 20.5. в плен в районе Номон Хан советский майор Дропу заявил, что монгольские мотомеханизированные части укомплектованы советским персоналом».⁶ Однако в штаб 11-й танковой бригады сообщения «Рейтере» не поступали, поэтому 27 июня приказом по бригаде за № 0022 старшина Дроб был исключен из списков части, как «героический погибший 29.5.39 г. в бою с японскими самураями при защите границ МНР». По стечению обстоятельств «первый пленный русский» оказался евреем, что оказалось несколько неожиданным для японцев, предполагавших столкнуться здесь, на правом берегу Халхин-Гола с монгольской кавалерией...

Вторым пленником японцев стал летчик-истребитель, начальник связи 3-ей эскадрильи 70-го истребительного авиаполка лейтенант Дмитрий Гусаров, попавший в плен столь же нелепо, как Хаим Дроб. 17 мая две эскадрильи этого полка (первая в составе 12 истребителей И-16, и третья, имевшая такое же количество И-15бис) были перебазированы в Тамцак-Булак «для выполнения особого задания» – прикрытия «отряда Быкова» и 6-й кавалерийской бригады. Начиная с 18 мая советские истребители ежедневно вылетали на патрулирование, перехват японских самолетов и разведку приграничной зоны, не пересекая, впрочем, реки Халхин-Гол. Расстояние от пункта базирования истребителей до района конфликта составляло более 100 километров и самолетам требовалось не менее 25–30 минут, чтобы оказаться над прикрываемыми частями в долине Халхин-Гола. Поэтому все вылеты на перехват оказывались безрезультатными, а сколько-нибудь продолжительное патрулирование было практически невозможным. Поэтому 21 мая, по мере активизации столкновений в приграничной полосе, для истребителей была подготовлена полевая посадочная площадка в районе озера Баин-Бурду-Нур, в 60 километрах юго-западнее горы Хамар-Даба. Площадка располагалась в районе места постоянной дислокации 6-й кавалерийской дивизии, в безоренитиной степи. Начиная с утра 22 мая на нее выбрасывалось от 5 до 9 самолетов, в течение дня находившихся на боевом дежурстве и вылетавших, по мере необходимости, на перехват самолетов противника; на ночь истребители возвращались в Тамцак-Булак.

Утром 24 мая на площадку засады из Тамцак-Булака перелетело 9 самолетов – два звена И-15бис и звено И-16, под командованием капитана Ивана Крупенина, военного комиссара 2-й эскадрильи. В 10.20 на площадку поступило сообщение с поста ВНОС о приближении с востока на высоте 5000 метров группы самолетов противника. После повторного сообщения «противник атакует», поступившего в 10.25, Крупенин поднял группу на перехват и вылетел сам в качестве ведущего звена И-16, вслед за ним вылетели звенья И-15бис, которые вели комиссар 3-ей эскадрильи старший политрук Николай Герасимов и лейтенант Иван Голов. Стремясь быстрее набрать высоту, командир перед вылетом приказал летчикам надеть кислородные маски и повел группу на форсированном режиме. Вылет не заладился с самого начала – лейтенанты Николай Карпов и Владимир Шорохов вылетели без масок, отстали от группы, и, не найдя площадку засады, ушли в Тамцак-Булак. Командир вышел к реке на 5500–6000 метрах, противника не обнаружил, развернулся на север и в течение следующих десяти минут шел вдоль Халхин-Гола. На следующем развороте он обнаружил потерю ведомых и приступил к розыску их в районе гор Хамар-Даба и Гуни-Тологой.⁷ Во время поисков сдал перегретый двигатель у И-15бис лейтенанта Голова, он распустил свое

⁵ РГВА ф.32113 оп.1 д.212 л.Д.

⁶ РГВА ф.32113 оп.1 д.291 л.19.

⁷ На современных картах – Хойт-Гу-Ула.

звено и ушел на площадку засады, но площадки не нашел и сел вынужденно в степи в 7 километрах западнее. Во время одного из разворотов потерялась еще одна машина, И-15бис с хвостовым номером «14», пилотируемый лейтенантом Дмитрием Гусаровым. Последним его видел пилот И-16 лейтенант Александр Лукашев, доложивший, что после снижения до 4000 метров Гусаров в полном порядке отошел от него в западном направлении. И он, и комиссар старший политрук Герасимов, утверждали, что Гусаров уйти через границу никак не мог и сидит где-то на территории Монголии.⁸

«Ну, а люди? Каков их дух, с какими чувствами идут они в бой? В упомянутой выше газете «На границе» читаем:

«В имевших место между 20 и 27 мая воздушных стычках, вторгшиеся в пределы Манчжу-Го советские элементы МНР (Внешняя Монголия) обнаружили полную несостоятельность перед самолетами сил обороны Манчжу-Го.

В этот же период, 24 мая, из Внешней Монголии прилетел в пределы Манчжу-Го и спустился у Н-ска один советский самолет МНР, управляемый советским военным летчиком старшим лейтенантом Гусаровым.

Последний дал при дознании следующие показания:

— Оня, старший лейтенант Гусаров, был в числе недовольных бессмысленностью боевых приказов советского командования.

Участвовал в последних провокационных вылазках, которые вскрыли несостоятельность советской авиации перед японской авиацией и угасили у советских летчиков, явившихся участниками данных атак, всякий боевой азарт.

Старший лейтенант Гусаров решил бросить со своим самолетом из МНР в Манчжу-Го, чтобы отдаться под защиту властей Манчжу-Го, что он и выполнил.

Этот эпизод весьма красноречив и симптоматичен, как свидетельство царящих в рядах стационарирующих во Внешней Монголии частей авиации РККА СССР настроений. Командование объединенных сил обороны Манчжу-Го взяло Гусарова под свою защиту».

Фрагмент статьи «СССР и события на Дальнем Востоке», опубликованной в № 4189 парижской газеты «Возрождение» 23 июня 1939 года за подписью Лев Любимов

Поиски потерявшегося летчика начались в тот же день. На аэродром засады вылетел исполняющий обязанности командира полка майор Михаил Резник, в 18.40 он полным составом группы засады безрезультатно обследовал районы к востоку и северо-востоку от площадки. В 22.25 об исчезновении Дмитрия Гусарова было доложено лично Наркому Обороны СССР Ворошилову, начальнику Генерального Штаба Шапошникову и начальнику Политуправления РККА Мехлису.⁹ Реакция Ворошилова была резкой, он отчитал командира 57-го Особого корпуса комкора Фекленко за задержку донесения и приказал немедленно доложить обстоятельства. Тем временем на следующее утро поиски возобновились. В 5.20 было выслано четыре И-15бис; одна пара разыскивала Гусарова в районе гора Хамар-Даба, озеро Самбурын-Цаган-Нур, гора Барун-Хан-Ула, озеро Ихэ-Тошигай-Нур, вторая обследовала полосу шириной около 20 километров по левому берегу Халхин-Гола. В 11.50 еще две пары И-15бис искали Гусарова в районе Самбурын-Цаган-Нур, гора Хуху-Ундур-Обо, озеро Нарин-Нур, сместив таким образом зону поисков дальше на запад. После их безрезультатного возвращения майор Резник пришел к выводу, что Гусарова надо искать южнее Тамцак-Булака и направил уже шесть И-15бис на осмотр районов горы Хале-Хол, горы

⁸ Обстоятельства потери лейтенанта Гусарова восстановлены на основании журнала боевых действий 70-го истребительного авиаполка (РГВА ф.32113 оп.1 д.488 л.5–7) и шифротелеграммы Фекленко № 10, отправленной вечером 26 мая. (РГВА ф.37977 оп.1 д.73 л.5–6, входящий номер по нумерации шифровального отдела НКО № 10564/ш).

⁹ РГВА ф.37977 оп.1 д.73 л.4, шифротелеграмма Фекленко № 1 (вх. № 10523/ш).

Цубура, колодца Баин-Цаган, Морин-Обо, озера Кейку-Нур, колодца Хурэ-Худук, гор Дзирикэ и Цаган-Ула.

Летчики снова вернулись ни с чем.

26 мая поиски продолжились. В 8 часов утра комиссар полка капитан Николай Мишин повел три И-16 на облет равнины Мэнэнгийн-Тал. Этот район пограничных конфликтов 1936-37 годов считался «нейтральной зоной», летчикам запрещалось туда летать, чтобы не провоцировать японцев. После возвращения звена Мишина в 13.20 два И-15бис расширили район поисков на юге, облетев горы Чуни-Тологой, Салхита и Цубура и колодец у Шинэ-Обо. Утром 27 мая поиски предполагалось продолжить, однако, после неудачного воздушного боя 22-го истребительного полка, командование ВВС 57-го особого корпуса было вынуждено переключиться на розыск сбитых и севших в степи самолетов. С перебазированием 70-го полка в Баин-Тумен на ремонт материальной части, после 26 безуспешных самолето-вылетов, поиски Дмитрия Гусарова были окончательно прекращены. Тем временем в японской, маньчжурской, китайской и французской печати были опубликованы щедро разбавленные фантазией журналистов японские официальные радиосообщения об «умышленной посадке лейтенанта Гросова (а также Глусова или Грузова) на территории Маньчжоу-Го...».¹⁰

Дело, однако, заключалось не в злом умысле, а в уровне штурманской подготовки лейтенанта Гусарова. За пять месяцев до злосчастного вылета на перехват, 27 декабря 1938 года, флаг-штурман 100-й авиабригады капитан Уланов принимал зачеты по штурманской подготовке у семи летчиков третьей эскадрильи 70-го истребительного авиаполка. На общую «четверку» не вытянул никто – трое летчиков получили «тройки», четверо «двойки». Дмитрий Гусаров был в списке предпоследним, с оценками: ведение личной карты – 3, умение читать карту – 2, знание приказа № 008 – 2, знание аэродромной сети – 2, знание территории МНР – 2, умение начертить схему МНР – 3, знание направления Калган – Долоннор – 2, знание Хайларского направления – 2... Худшую оценку умудрился получить только лейтенант Николай Алексеев, 24 мая, кстати, удержавшийся в строю и ориентировку не потерявший.¹¹ В той ситуации, в которой оказался Дмитрий Гусаров 24 мая, ключевым было знание «приказа № 008», предписывавшего в случае потери ориентировки брать курс 270° и идти этим курсом до полной выработки горючего...

По возвращении из плена лейтенант Гусаров доложил, что после потери ориентировки он в течение часа искал площадку и, израсходовав топливо, приземлился в степи. Через некоторое время он был окружен группой японцев, отстреливался из пистолета, а когда закончились патроны – был пленен. Его самолет, И-15бис № 3816 достался противнику «в исправном виде и с полным вооружением».

Пленение старшины Дроба и лейтенанта Гусарова было скорее случайным стечением обстоятельств. В этот период обе стороны ограничивались перестрелками в пограничной полосе и воздушной разведкой, иногда японцы пытались перехватить советские самолеты связи, истребители 70-го полка этому препятствовали и один раз дело даже дошло до воздушного боя. Обстановка, однако, постепенно накалялась. К зоне конфликта подтягивались новые части, артиллерия и бронетехника, а указания местного военного командования обеих сторон становились все более решительными. 27 мая над долиной Халхин-Гола начались воздушные бои между истребителями, а утром 28-го на правом берегу реки столкнулись японо-маньчжурские и советско-монгольские части.

Как это ни удивительно, в сумбурных боях 28–29 мая японцами было взято очень мало пленных. Точное их число установить невозможно, так как некоторые из захваченных были

¹⁰ РГВА ф.37977 оп.1 д.38 л.193.

¹¹ РГВА ф.32262 оп.1 д.22 л.272.

убиты японцами вскоре после пленения.¹² Однако трое – красноармейцы 175-го отдельного моторизованного стрелковопулеметного батальона Федор Гриненко и Степан Степура, взятые в плен ранеными в ходе неудачной атаки 2-й роты 28 мая и красноармеец 149-го моторострелкового полка Батыр Кайбалаев, сдавшийся ранним утром следующего дня, были вывезены на маньчжурскую территорию. Уже на следующий день японское новостное агентство «Домэй» сообщило о пленении в боях 28 мая 4 советских и 5 монгольских солдат, отметив в частности, что «...пленные были весьма удивлены хорошим обращением к ним и особенно тем, что им дали сигареты и напитки». Подробности хорошего обращения, продемонстрированного, предположительно, солдатами 4-й роты 1-го батальона 64-го пехотного полка (командир роты поручик Сомейя Хацуо), изложил по возвращении из плена красноармеец Федор Гриненко: «...Меня ранило, я упал и меня накрыли японцы, скрутили руки назад и потащили волоком за веревку. Дорогой я зацепился головой за куст, они дергали веревкой, точно бревно тащили. Притащили к машине, привязали к ней и стали издеваться. Избили до потери сознания. Потом подвели ко мне раненого японца, а он вырезал мне на левой ладони знак. Просил у них пить, а они бросали в лицо песок. В тылу допрашивали, но я ничего не сказал, тогда они схватили меня и бросили в прогоревший костер, меня очень жгло, но они еще накрыли каким-то тяжелым брезентом, я задохнулся и не думал быть живым». В течение следующих нескольких дней агентства «Домэй» и «Кокуцу» распространили в прессе интервью с русскими пленными и фотографию девяти сидящих на земле связанных солдат. 2 июня агентство «Кокуцу» уже сообщало, что «среди пленных имеется значительное число советских солдат еврейской, украинской и бурятской национальности» (бурятом сочли ногойца Кайбалаева), а 5 июня были опубликованы интервью с тремя «русскими» пленными.¹³

Из числа военнослужащих РККА пропавших без вести в майских боях, из плена вернулось три красноармейца. Четвертым пленным был упоминавшийся выше младший политрук Александр Комаристый, убитый японцами 29 мая. Его труп был обнаружен при очистке поля боя в первых числах июня: «...на поле боя подобран зверски изуродованный труп младшего политрука Комаристина – отрезан нос, выбиты зубы, голова пробита штыком»¹⁴.

Гибель Александра Комаристого впоследствии неоднократно была использована политотделом 1-й Армейской Группы для иллюстрации бойцам и командирам РККА возможных последствий сдачи в плен противнику, например в редакции «...выбили зубы, раздробили челюсти, отрезали нос, выдавили левое яйцо, на спине и на руках вырезали звезды». Упоминание вырезывания на спине и руках звезд и отрезания носа можно было бы счесть пропагандистским преувеличением, если бы не одно обстоятельство. По возвращении из японского плена красноармеец Федор Гриненко, захваченный менее чем за сутки до пленения политрука Комаристого, продемонстрировал комиссии по опросу военнопленных «знак», вырезанный на своей ладони, а красноармеец Иван Поплавский, плененный в июле, в своем рассказе упоминал, что захватившие его солдаты хотели ему клинком отрезать нос. Особую жестокость обращения с Александром Комаристым можно объяснить демонизацией японцами образа политрука, которого всегда можно было опознать по нарукавным знакам в виде звезд.

¹² Здесь и далее упоминаются только случаи убийства японцами пленных, подтвержденные боевыми документами частей, списками потерь и политдонесениями ниже дивизионного уровня. Документы политотдела 1-й армейской группы и мемуарные свидетельства сознательно не использованы с целью исключения неverified эпизодов.

¹³ РГВА ф.32113 оп.1 д.291 л.2, 3, 21, 55. Здесь и далее сообщения новостных агентств приводятся в переводе, выполненном разведывательным отделом 57-го Особого Корпуса и 1-й Армейской Группы в июле-сентябре 1939 г.

¹⁴ РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.611-612

Затишье, наступившее на Халхин-Голе после майских боев, закончилось 17 июня. Новый виток постепенной эскалации конфликта к первым числам июля привел к перерастанию его в полноценную войну. Одним из наиболее масштабных эпизодов начала этой войны было Баин-Цаганское сражение, развернувшееся ранним утром 3 июля, когда переправившиеся через Халхин-Гол три полка японской пехоты были последовательно атакованы частями 7-й мотобронетанковой бригады и 11-й танковой бригады, а затем и батальонами 24-го мотострелкового полка и монгольскими частями. Встречный бой был исключительно ожесточенным. Экипажи танков, подбитых и сожженных в глубине японской обороны, в случае пленения, как правило, сразу уничтожались, раненых беспощадно добивали. Реалии Баин-Цагана можно представить себе из отчета командира танка БТ-5 16-го отдельного танкового батальона Виктора Горбатенко:

«...3-го июля с.г. мы неожиданно получили приказ о выступлении с выжидательной позиции прямо в бой, перед нами лежал 50-км. марш. Все с напряжением ждали, когда мы вступим в бой. На марше все машины шли очень хорошо и трудно было нашему экипажу сделаться отстающим и потерять право участия в бою. Прийдя на исходную линию немедленно было сброшено все с машины, пушки и пулеметы вытерты и через 20 минут машины уже вышли в бой. Подходя к противнику, которого не могли определить где он, большинство экипажей ехали с открытыми люками и так как впервые приходилось встретиться в бою, и когда самураи открыли ураганный огонь, то здесь уже было все ясно и сам противник был обнаружен. Проходя вглубь противника все машины, а также и наш танк шли очень с большой скоростью и несмотря на то, что со стороны наших танков не было достаточного огня, противник был уничтожен и сломлен морально – ходом наших могучих машин. Проходя передовые линии противника в время атаки в наш танк было нанесено 4 прямых снаряда, которые из них попали – один в лобовую бронь, разбил сварку, 2-й прямой недалеко от ниши башни пробил 2 стенки, 3-й сбил сварку передних люков (петель) и последний прямой в борт, пробив бензобак и разорвался в моторе. Машина внезапно вспыхнула огнем, мы вынуждены были покинуть танк, не успев ничего взять с собой, в танке был ранен мех. вод. т. Волошин. Когда выскочили из машины по нас был открыт пулеметный огонь, которым я и башенный стрелок сразу были ранены. Выскочили не вместе, а примерно метров в 20 один от одного, двигаться назад возможности не было, так как огонь не давал возможности подняться. Я лежал около танка метров в 15, который горел. Пролежав примерно 1 час по направлению к нам шли 12 японцев, которые подбирали своих раненых и двигались на нас. Мне нечего нельзя было сделать, как вытащить наган, взвести и положить под грудь и леч лицом вниз, раскинув руки в стороны. Когда ко мне подошли, конечно трудно описать то состояние, в котором я находился, но все же внешний вид сделан мной в это время не обратил никакого внимания на самураев и они видимо посчитали меня убитым. Подойдя к башенному, они услышали его стон и вытащив его револьвер застрелили. Я после этого, когда они скрылись имел целью продвигаться только к рике, т. е. глубже им в тыл, так как выхода иного никакого не было. Когда проходил эскадрон их конницы за склон горы, я пополз к ним в след и сразу же скрылся в овраге в комыше, оттуда к вечеру добрался ползком маскируясь в реке в кусты. Просидев до ночи, я начал двигаться по направлению обратно, но артиллерийский огонь и пулеметная стрельба сбивала меня с курса и я попал на левый фланг за «Развалины» и только на 3 сутки я пришел в часть...».

Вверху: согласно сообщениям японских новостных агентств «Домэй» и «Кокуцу» в боях 28–29 мая 1939 года японскими войсками было взято девять пленных – четверо красноармейцев РККА и пятеро цуриков 6-й кавалерийской дивизии МНРА. Снимок сделан, предположительно, 29 мая В центре; вероятно, младший политрук Александр Комаристый.

Справа: двое пленных монгольских солдат.

Фотографии сделаны 28–29 мая в районе Номон-Хан – Бурд-Обо и опубликованы в первых числах июня 1939 г. в англоязычных газетах «Manchurian Daily News» и «Peking Chronicle». Публикуются по РГВА ф.32113 оп.1 д.291

Пленных было мало. Японские документы, как правило, сообщают, что экипажи подбитых и сгоревших танков и бронеавтомобилей сопротивлялись до последнего и упоминают о захвате пленных как о явлении исключительно редком.

Тем не менее пленные были. Около 7 часов утра 9 бронеавтомобилей 234-го автобронетанкового батальона 8-й мотобронетанковой бригады атаковали окапывавшийся 1-й батальон 71-го пехотного полка. В ходе боя был захвачен по крайней мере один член экипажа одного из подбитых бро-

неавтомобилей.¹⁵ Из плена он не вернулся. Через полтора часа, около 8.15-8.30, позиции 2-го батальона 72-го пехотного полка атаковали 8 танков БТ-5 3-ей роты 24-го танкового батальона 11-й танковой бригады, под командованием старшего лейтенанта М.П. Филатова. При этом один из танкистов, по советским данным пропал без вести, а по японским – был взят в плен.¹⁶ Однако изучение списков потерь 24-го батальона, составленных после завершения боев на Баин-Цагане показывает, что батальон 3-го июля не имел потерь пропавшими без вести – все убитые были найдены и похоронены. Вероятно, этот танкист был убит вскоре после пленения.

Во второй половине дня в сражение постепенно втянулись 16-й и 45-й танковые батальоны 11-й танковой бригады и 247-й автобронетанковый батальон 7-й мотобронетанковой бригады. Все эти части понесли тяжелые потери, в том числе пленными. Механик-водитель 16-го отдельного танкового батальона отделенный командир Борис Евдокимов в ходе атаки позиций 26-го пехотного полка был вынужден покинуть горящий танк и с тяжелыми ожогами был взят в плен: «...меня самураи взяли, связали руки и ноги проволокой и закрутили газовецами...». Еще двое танкистов, механик-водитель младший комвзвод Федор Лукашек и башенный стрелок красноармеец Афанасий Гермашев входили в экипаж БТ-5 45-го отдельного танкового батальона. Их танк во время атаки батальоном японских позиций на горе Баин-Цаган, оторвавшись от своей роты, прорвался в глубину неприятельской обороны. Здесь он был обстрелян пулеметным огнем, на танке загорелись брезенты и шинели. Командир танка (имя его установить не удалось) предположительно покинул горящую машину и был убит вне танка, люк башни остался открытым. После этого прослуживший в армии менее года красноармеец Гермашев остался фактическим командиром танка и начальником старшего по званию механика-водителя Лукашека, однако реально ситуацию он контролировать не мог. Лукашек задним ходом загнал танк в старицу реки Халхин-Гол, где он забуксовал и заглох; механик-водитель считал что он таким образом спас машину от захвата противником в исправном состоянии. Экипаж был взят в плен и немедленно сильно избит японцами, по свидетельству Федора Лукашека *«Когда самураи вытащили из танка башенного стрелка Гермашева, после меня, то стали издеваться над ним, связали руки проволокой и ею же связали глотку так, что Гермашев не был даже в сознании. Самураи вместо воды сыпали в рот и в глаза песок, Гермашев был весь синий от самурайского издевательства»*. Судя по имеющимся данным о расположении японских частей на Баин-Цагане, Гермашев и Лукашек были взяты в плен в расположении 10-й роты 3-го батальона 64-го пехотного полка (командир роты капитан Готоо Тикаси).

В 14.50 японцев атаковал и 247-й автобронетанковый батальон: *«...не доходя полтора-два километра до переднего края обороны противника, командир батальона остановил батальон, с целью уточнить наблюдением расположение противника. В это же время к батальону подъехал комдив Жуков, приказав командиру батальона – выполнять задачу немедленно»*.¹⁷ Во время атаки командирский бронетанковый автомобиль был подбит и загорелся, командир батальона майор Владимир Стрекалов получил сильные ожоги и в бессознательном состоянии был взят в плен.

Обследование поля боя после отхода японцев за Халхин-Гол показало, что несколько красноармейцев и командиров в ходе боя были взяты в плен, но убиты японцами после пленения. Так, из числа экипажей бронетанковых машин 247-го отдельного автобронетанкового батальона майора Стрекалова, были найдены трупы политрука Дмитрия Викторова, которому японцы *«выкололи глаза, искололи итыками всю грудь»*, башенного стрелка красноармейца Григо-

¹⁵ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p.299.

¹⁶ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 302.

¹⁷ РГВА ф.37977 оп.1 д.144 л. 3.

рия Челомбитко, которого *«положили на носилки, пронесли 100 метров, после чего отрубили голову»*, по другим данным – *«замучили ударами в лицо и уже мертвому отрубили голову»* и старшины Братовского, которого *«изрезали тесаками до смерти»*.¹⁸ В послевоенных интервью японцы, как правило, утверждали, что захваченных на Баин-Цагане пленных не убивали. Так, например Нисикава Масаюки, по состоянию на 3 июля 1939 года майор и командир 1-го батальона 72-го пехотного полка, рассказывал, что трое танкистов (рядовых или младших командиров), взятых его батальоном, были эвакуированы в тыл.¹⁹ Тем не менее, ни один из танкистов, захваченных в расположении 1-го батальона 72-го пехотного полка, из плена не возвратился.

Несколько ранее переправы основных сил 23-ей пехотной дивизии через Халхин-Гол, 2 июля, в наступление на правом берегу перешел и «отряд Ясу-ока» (64-й пехотный полк, 3-й и 4-й танковые полки и 2-й батальон 28-го пехотного полка). Ему противостояли батальоны 149-го мотострелкового полка, 9-я мотобронеприкрытие и 175-й моторизованный артиллерийский полк. Наиболее сильные удары вечера 2 июля и наступившей ночи пришлось по позициям 149-го полка, и расположенным в его боевых порядках батареям 175-го артиллерийского полка. В ходе боя несколько десятков красноармейцев этих полков отбились от своих отступивших подразделений. В течение следующих двух суток они, поодиночке и группами, бродили по степи, пытаясь выйти из расположения противника. Большинству это удалось, часть погибла в стычках с японцами и баргутами, но не менее 15 человек были пленены.

Злоключения одной из таких групп, состоявшей из пяти красноармейцев 149-го мотострелкового полка (Егора Валова, Тимофея Воронина, Ивана Давыдова, Ивана Клейменова и Мефодия Шияна), описал Тимофей Воронин:

«2 июля я попал в окружение японских самураев, нас окружили самурайские танки и ночью я отбился от своих и очутился с пятью человеками из пехоты. Всю ночь до рассвета искали выход к реке, но не могли найти и мы решили на день замаскироваться, ночью опять продвигаться. Дождались ночи и стали продвигаться, шли всю ночь, на рассвете впереди мы увидели самурайские машины, и мы решили опять замаскироваться и сидя в камыше решили продвигаться к своим, но нас заметил самурайский броневик и стал за нами наблюдать и мы все же [начали] продвигаться, но впереди себя заметили самураев. В одной лощине мы стали обсуждать в какую сторону продвигаться, но вдруг подошла японская машина и самураи набросились на нас, связали нам руки так, что руки вспухли, посадили в машину и везли в тыл, ширяли ногами».

Где-то рядом бродила, скрываясь от японцев, и вторая группа из пяти человек, в которую входили красноармейцы 149-го мотострелкового полка Петр Акимов и Григорий Топилин и младший комвзвод 175-го моторизованного артиллерийского полка Петр Еремеев. Эта группа, как и предыдущая, к утру 4 июля оказалась в районе сосредоточения японских танковых частей и повторила ее судьбу:

«Я, красноармеец Акимов Петр Степанович, части 5987 3-го батальона взвода связи прибыл на фронт 28 мая. Окружен был японцами 2 июля ночью и попал в плен 4 июля. Наш батальон был окружен все 2-е число танками и пехотой, был дождь, ночь темная и мне было дано приказание комиссаром батальона ехать на машине в тыл, когда он подбежал к моей машине и сказал: машину гони в тыл, я тут же поехал, но был окружен противником, дорогу они перерезали. Еще ко мне был прикреплен курсант ездить практически, был вместе со мной и при окружении я был с дороги сбит, заблужден и машину у меня разбило и

¹⁸ РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.53, 612.

¹⁹ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 636.

окружали танками, пехотой, по нас открывали огонь, ну и мы открывали огонь, но пока до последних патронов и пришлось отступить. К утру мы оказались в тылу у противника и мы стали искать где бы замаскироваться. Нашли окопу и замаскировались 3 числа до ночи и ночью обратно пошли, блудили всю ночь, никак не могли выйти. Утром смотрим обратно кругом ихние войска, находить стали обратно маскировку и так было время к обеду. Один из нас, отделенный командир, вышел из этой окопы на бугор, его заприметили с наблюдательного пункта и прибыло японцев человек 40, окружили нас, но нам нечем было обороняться, было 3 винтовки, патрон не было. Из них одна винтовка была без штыка, нас было 5 человек, нас по одному посвязали и пешком повели, а одного из нас ранили в плечо, насквозь пуля вылетела...».

В ходе отражения первого удара группы Ясуока на правом берегу Халхин-Гола произошел еще один эпизод, восстановить обстоятельства которого пока не удалось. 3 июля были взяты в плен командир взвода учебной роты 406-го отдельного батальона связи лейтенант Георгий Еретин и шофер той же части красноармеец Филипп Самойлов. Есть основания предполагать, что они были захвачены солдатами 4-го танкового полка около 22.00 в районе озера Узур-Нур. В списке потерь батальона²⁰ Еретин и Самойлов значатся не «пропавшими без вести», но «попавшими в плен», однако обстоятельства остаются неизвестными. Г[осударство] после окончания боевых действий японцы продолжали утверждать, что Георгий Еретин перешел на их сторону добровольно. Он был передан СССР только при втором обмене пленными в апреле 1940 года и, вероятно, расстрелян во второй половине 1940 или в начале 1941 года. Филипп Самойлов из плена не вернулся. Возможно, это означает, что он оказал сопротивление и был убит при пленении, так как 4-й танковый полк в своем донесении в штаб группы генерал-лейтенанта Ясуока Масаоми доложил о захвате только одного пленного связиста.²¹

К 8 июля кадровые части 57-го особого корпуса – 11-я танковая бригада, полки 36-й мотострелковой дивизии (24-й и 149-й) и 7-я, 8-я и 9-я мотобронетанковые бригады – понесли серьезные потери. Кроме того, порочная практика действий «отрядами», а не частями как единым целым, привела к расстройству системы управления и снабжения. Командование корпуса в лице комдива Г.К. Жукова начало вводить в бой подходящие из СССР форсированным маршем новые соединения – 5-ю моторизованную стрелково-пулеметную бригаду и 82-ю стрелковую дивизию. Эти части были развернуты из кадра в июне и, в значительной степени, были укомплектованы красноармейцами и командирами, призванными из запаса и не имевшими должной подготовки. Результатом стала единственная в истории Халхингольской войны массовая сдача в плен – по всем правилам, с белым флагом.

До начала Халхингольской войны 5-я моторизованная стрелково-пулеметная бригада 20-го танкового корпуса дислоцировалась у станции Борзя. Бригада содержалась по штатам мирного времени, но даже по этим штатам имела значительный некомплект. 2 июля, с обострением положения на халхингольском фронте, ее в течение одного дня укомплектовали резервистами до штатов военного времени и отправили в Монголию. Подготовка бригады к выступлению велась поспешно, водители грузовиков поступили из приписного состава в 22.00 2 июля, а в полночь бригада уже выступила на фронт – с неподготовленными и необкатанными машинами и на 2/3 новым личным составом, не изученным командирами частей и подразделений. Вдогонку 3 июля на пополнение бригады было отправлено пять стрелковых рот 601-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии, практически полностью укомплектованных резервистами. Для ускорения движения боеприпасы на руки личному

²⁰ РГВА ф.32113 оп.1 д.381 л.54.

²¹ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 393.

составу выдавались в движении, личный состав практически всю дорогу не получал горячей пищи из-за отставших кухонь. 800-километровый марш занял почти четверо суток и к 20.00 6 июля бригада достигла Тамцак-Булака. Следующим утром, в 8.00 7 июля, штаб получил приказ выступить в район боевых действий и к полудню соединение сосредоточилось в 10–12 километрах от реки Халхин-Гол. Отдохнуть не дали и здесь. В 8.00 8 июля бригаде было приказано немедленно форсировать реку. Подходящие к переправе колонны измотанных шестью днями марша стрелково-пулеметных батальонов 5 МСПБр – 162-го, 165-го и 169-го – сразу попали под артиллерийский обстрел с одновременной бомбардировкой с воздуха и переправиться не смогли. Для приведения в порядок их пришлось отводить от реки. Вторая попытка переправы, произведенная после выданного красноармейцам обеда, была удачной – колонны бригады переправились, хотя и понесли потери от артиллерии и бомбардировщиков противника.

На восточном берегу Халхин-Гола 5-я стрелково-пулеметная бригада должна была сменить потрепанные батальоны 7-й, 8-й и 9-й мотобронебригад и занять участок между 24-м и 149-м мотострелковыми полками 36-й дивизии. Однако после пересечения реки штаб бригады фактически потерял управление батальонами и с вечера 8 июля командиры батальонов действовали по своему разумению, исходя из полученных ранее инструкций.

В третьем батальоне бригады – 169-м отдельном моторизованном стрелково-пулеметном батальоне, которым командовал капитан Николай Казаков, это выглядело так. Всю ночь командный состав батальона, не имевший сведений ни о положении своих частей, ни о противнике, ни о местности, *«ходил с ротами разыскивая части, которые приказано было сменить»*.

Связи со штабом бригады не было, не было ее и внутри батальона, так как начальник связи батальона лейтенант Шумко *«в силу своей трусости отошел в тыл со связью»*. Единый непрерывный фронт батальону создать не удалось. Роты были разбросаны между подразделениями бронебригад, отводившихся со своих участков обороны на отдых. Позиции были заняты только к 6 часам утра, вскоре японцы открыли артиллерийский огонь по позициям 2-й роты; к 10 часам в роте было двое убитых и трое раненых. Связь с тылами была утеряна, поэтому ни вечером 8 июля, ни в течение всего дня 9-го, личный состав 169-го батальона накормлен не был. Тем не менее, в 16 часов 9 июля, выполняя ранее полученный приказ, батальон перешел в наступление. Приказ на наступление отдавал начальник штаба старший лейтенант Попов – комбат Казаков находился в одной из рот. Наступление батальона развивалось относительно успешно, однако, потеряв контакт с соседями, а затем попав под обстрел и понеся потери, батальон отошел назад в барханы, где и занял оборону. Командир батальона на исходную позицию не вернулся, начальник штаба был ранен и в командование батальоном вступил лейтенант Петренко. Только утром 10 июля ему удалось восстановить связь с бригадой, подтянуть тылы и накормить бойцов.

Тем временем, в нескольких километрах перед фронтом окопавшегося в барханах батальона, к вечеру 9 июля вокруг комбата собралась группа отбившихся от разных подразделений страдающих от жажды голодных и уставших красноармейцев. Первоначально группа состояла из 14 человек (капитана Казакова, одного младшего командира и 12 рядовых). Казаков повел их в сторону позиций 162-го батальона. В темноте группа наткнулась на японскую заставу и, после небольшой перестрелки, отошла. Ночь провели в степи, опасаясь двинуться дальше. Здесь группа потеряла красноармейца Николая Митрофанова, он ушел разыскивать свою часть самостоятельно и вскоре был взят в плен японцами. С рассветом комбат выслал на разведку пути красноармейца Спиридона Аликина. Вернувшись из-за сопки, Аликин доложил, что видел трех японцев и телефонный кабель. Группа свернула в сторону и двинулась дальше. Именно в этот момент Казаков приказал Аликину снять свою нижнюю белую рубашу и повесить ее на штык своей винтовки. Спиридон Аликин, после пререканий, это

приказание выполнил. Пройдя около трех километров, группа вновь натолкнулась на японцев и была обстреляна. Младший командир и один из красноармейцев были убиты, а капитан Казаков и красноармеец Некрасов ранены. Аликин сбросил со штыка рубашку, однако «малодушный капитан» нацепил рубаху на штык своей винтовки и поднял ее вверх, показывая, что группа сдается в плен. Японцы прекратили огонь. Первым бросил свою винтовку Тимофей Бакшеев; он с поднятыми руками направился к японцам. Остальные – Спиридон Аликин, Петр Панов, Влас Азанов, Виталий Завьялов, Александр Бизяев, Яков Тиунов и Иван Тиунов остались на месте и, не оказывая сопротивления, сдались в плен четверым подошедшим японским солдатам.²² У сдавшихся немедленно отобрали оружие, затем связали, избili и отвели в штаб. В штабе Казаков сдал японцам документы и карту и, согласно материалам следствия, вероятно, почерпнутым из неприятельской прессы, заявил: *«Хотел привести вам всю роту, а удалось привести только 13 человек»*.²³ На следующий день, поздним вечером 11 июля, группа Казакова (и, вероятно, еще несколько красноармейцев, плененных 7-11 июля) была продемонстрирована японским и иностранным журналистам.

Иностранный корреспондентский корпус при штабе 23-ей пехотной дивизии был довольно представительным. С начала или с середины июня здесь находились сотрудники ряда японских газет и корреспондент «Рейтере» Морис Д'Альтон (по выражению исследователя советско-японских конфликтов Элвина Кукса – «платный пропагандист Квантунской Армии»). 4 июля, после публикации первых известий о начале японского наступления, из Токио в Синьцзин, столицу Маньчжоу-Го, вылетела группа из 6 иностранных журналистов, в числе которых были американцы Рассел Брайнс («Associated Press») и Джон Моррис («Life»), итальянец Витторио Алесси («Corriere della Sera»), немец Вернер Кроум («Hamburger Fremdenblatt») и «француз» Брайко Вукелич – токийский корреспондент «Гавас» и югославской газеты «Политика», а также, по совместительству, с 1933 года сотрудник резидентуры Разведуправления РККА в Японии, которой руководил Рихард Зорге. Из Синьцзина группа выехала в Хайлар и 10 июля выехала на фронт, где была тепло принята в штабе 23-ей пехотной дивизии. Встречу журналистов с пленными группы Казакова описал в своей корреспонденции Джон Моррис:

«12 русских пленных были приведены к корреспондентам для вопросов. Французский корреспондент свободно говорящий по-русски разговаривал с русскими пленными лично, а затем переводил их ответы другим корреспондентам. Пленные ответили ему, что они резервисты и были призваны к своим пунктам 29 мая в городе Перми. Там им сказали, что их вызывают для участия в маневрах. Пленные неодобрительно отзывались о советском режиме и поносили советских руководителей за плохую заботу о советских солдатах...».

Похожие сведения были опубликованы Д'Альтоном:

«Ночью я говорил с группой советских пленных из 16 человек, захваченных вчера. Все они крестьяне, резервисты из Перми. Они заявили, что их 29 мая без всяких объяснений о причинах их вызова бросили прямо в бой. Когда они были окружены и обстреляны огнем японских тяжелых пулеметов, капитан сказал им, что бесполезно сопротивляться и посоветовал помахать белой рубашкой. Сам капитан был тяжело ранен при окружении и сегодня утром ему ампутировали ногу».²⁴

²² Выявленные документы не позволяют выяснить судьбу красноармейца Некрасова. При обмене пленными он возвращен не был; предположительно раненый Некрасов был убит японскими солдатами сразу после пленения или умер в плену.

²³ Обстоятельства пленения группы Казакова восстановлены по материалам следствия, приговору и другим материалам, см. РГВА ф.9 оп.29 д.511 л.98-100; ф.9 оп.36 д.3541 л. 156-159, 230-234, ф.32371 оп.1 д.7 л.58-59.

²⁴ РГВА ф.32113 оп.1 д.291 л.94-95.

Публикации Вукелича не отличались принципиально от остальных и особой ценности не представляют. Гораздо интереснее, что именно он сообщил в Москву, однако эти документы найти пока не удалось...

Сведения, поступившие от резидентуры Зорге и публикации в прессе дали советскому военно-политическому руководству серьезные основания для беспокойства. Замаячил призрак Первой мировой войны, в ходе которой армия Российской Империи, в основном в результате массовой сдачи в плен, потеряла в 2,6–3,9 раза больше солдат и офицеров, чем убитыми и пропавшими без вести.²⁵ История русско-японской войны 1904–1905 годов также не добавляла оптимизма. Общая численность русских военнопленных в этой войне составила 74 369 человек — в 1,4 раза больше безвозвратных потерь армии убитыми и умершими от ран и болезней. Повторение массовых сдач в плен означало крах двадцатилетней работы по созданию «новой армии» и, в перспективе, возможное поражение. Сообщения иностранной прессы вызвали в середине июля поток шифротелеграмм из Москвы в штаб 57-го корпуса с требованием немедленно разобраться в причинах большого количества пропавших без вести и подтвердить или опровергнуть поступающие данные о массовых сдачах в плен. В результате такого давления штаб корпуса существенно улучшил учет потерь, особенно в 82-й стрелковой дивизии и 5-й моторизованной стрелково-пулеметной бригаде, и к началу августа число пропавших без вести сократилось на 535 человек. Более половины пропавших без вести (321 человек!) нашлись в своих частях, из числа остальных 38 были найдены убитыми, 167 оказались в госпиталях, 18 тем или иным образом попали не в свои части и еще 1 — вернулся с территории противника.²⁶ Фактов массовой сдачи в плен расследование, однако, не выявило.

Анализ имеющихся документальных данных подтверждает полное отсутствие групповых сдач в плен в период после 10 июля 1939 года. Даже неудачный ввод в бой 9 июля совершенно неподготовленного к бою 603-го полка, сопровождавшийся неоднократным оставлением ротами и батальонами своих позиций, самострелами, убийством командиров, не закончился массовой сдачей в плен. 10–13 июля японцам удалось захватить лишь порядка пяти красноармейцев этой части.

Отражение японского наступления в период со 2 по 13 июля оказалось наиболее тяжелой для РККА фазой конфликта. Именно в этот период японцами было захвачено более половины советских пленных Халхингольской войны. 14 июля японское наступление, вследствие тяжелых потерь пехоты, фактического разгрома 3-го и 4-го танковых полков, слабости артиллерии и упорного сопротивления русских, выдохлось окончательно. При этом сложилась парадоксальная ситуация — обе стороны, заявляя о победе, на уровне местного командования считали сражение проигранным. В результате японцы остановили наступление и начали подтягивать из восточных районов Маньчжурии артиллерийские части, а деморализованное неудачами (и, особенно, оставлением позиций батальонами 603-го полка) командование 57-го корпуса — комдив Г.К. Жуков и командарм 1-го ранга Г.И. Кулик — начало отводить части на левый берег Халхин-Гола. При этом японская разведка, на всем протяжении боев постоянно докладывая об отступлении противника, не заметила *реального* отхода частей, что, в известной степени, спасло положение — так как, в случае закрепления японцев по всему правому берегу Халхин-Гола, выдавить их оттуда было бы непросто. Так или иначе, после прямого вмешательства Ворошилова и Шапошникова оборона на правом берегу была восстановлена и на фронте установилось десятидневное затишье.

²⁵ Точно число потерь России в Первой мировой войне остается предметом дискуссий. Здесь для расчета использованы данные Генерального Штаба от 3 октября 1917 года и данные Центрального статистического управления СССР 1925 года.

²⁶ РГВА ф.37977 оп.1 д.60 л.43.

Следующую попытку генерального наступления японцы предприняли 25–26 июля. Наступление было успешно (и относительно легко) отбито и фронт стабилизировался на три с половиной недели. В этот период шли лишь бои за улучшение позиций и поиски разведчиков. Число пленных с обеих сторон было незначительным – иногда захватывались связисты, летчики со сбитых самолетов, оставшиеся на нейтральной полосе раненые и вытаскивавшие их санитары. Несколько красноармейцев были захвачены при ночных нападениях в траншеях во время целенаправленных вылазок японской войсковой разведки, пытавшейся установить состав частей на фронте и определить вероятность советского контрнаступления. Именно так, в качестве «языка», попал в плен красноармеец 602-го стрелкового полка Андрей Колчанов:

«...Я в ночь на 29 июля с.г. был ударен самураями по голове, придавив к земле, завернув мне руки назад, я чувствовал нестерпимую боль.

Связав руки веревкой, через некоторое время руки потеряли всякое чувство. Завязав глаза, был уведен в штаб. Во время дороги почти при всякой попытке они потыкая, дергая и снова вели...».

В целом, число красноармейцев и командиров, взятых в плен за месяц, предшествовавший августовскому наступлению, составило около десяти человек.

В ходе советского наступления 19–29 августа, завершившегося разгромом 23-ей пехотной дивизии и подчиненных ей частей, количество пленных также было небольшим. В большинстве случаев красноармейцы, взятые в плен окруженными частями, немедленно убивались. Так, например, случилось, когда 22 августа несколько танков 130-го отдельного танкового батальона 11-й танковой бригады в японском тылу выскочили на артиллерийские позиции и были в упор расстреляны 75-мм пушками. Из числа их экипажей не менее шести танкистов (командир взвода Александр Нечаев, старшина Василий Абиленцев, младший комвзвод Петр Самойлов, отделенные командиры Петр Павлуша и Леонид Гловацкий, красноармеец Николай Капитонов) были взяты в плен и убиты (в списке потерь батальона против их фамилий значится – «взят в плен и замучен»).²⁷ Шанс пережить плен был только у тех, кто был схвачен до того, как сомкнулось кольцо окружения. Из числа плененных взятых японцами после 24 августа, вернулись из плена лишь красноармейцы, захваченные на внешней стороне этого кольца. Общие потери РККА пленными в ходе августовского наступления оценить практически невозможно. Можно предполагать, что их было около 20–30 человек, из которых вернулось менее половины.

После стабилизации линии фронта в начале сентября, случаи попадания в плен были единичными, в этот период японцами были захвачены двое пехотинцев и один летчик-истребитель, старший лейтенант Максим Кулак.

Оценивая причины «наличия такого большого количества пленных», политические органы 1-й Армейской Группы пришли к заключению, что это явление можно объяснить лишь слабой воспитательной работой среди красноармейцев в отношении разъяснения смысла военной присяги. «Не было внедрено в сознание каждому бойцу и командиру понятий того, что нет ничего позорнее, как сдаться в плен живым. Плен – это измена Родине, предательство, нарушение присяги, за что каждый карается со всей строгостью революционной законности».²⁸ Также анонимный автор выводов сетовал на слабость воспитательной работы по разъяснению «конкретных фактов зверства противника по отношению к пленным» и недостаточную популяризацию «героизма наших воинов, попавших в трудную

²⁷ РГВА ф.32210 оп.1 д.148 л.145; д.212 л.235.

²⁸ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.325.

обстановку, которые не пожалели свои жизни, но живыми не сдались». Сдача в плен группы Казакова и случаи перехода на сторону противника с «японскими контрреволюционными листовками» были объяснены «притуплением бдительности в отдельных частях» и «слабой работой по изучению людей». «Внезапные одиночные попадания в плен» вполне справедливо объяснялись плохо организованной связью между подразделениями, плохо организованной разведкой и плохой информацией о положении противника и своих войск.

Согласиться с этими выводами можно лишь отчасти. Действительно, спешное доукомплектование приписным составом брошенных на фронт ранее кадрированных частей, производилось без должного изучения резервистов. Вследствие этого в отправляемых в Монголию частях оказалось довольно много слабо подготовленных резервистов старших возрастов. В некоторых случаях отправлялись запасники, имевшие судимости – в основном по общеуголовным и хозяйственным преступлениям, так как лица с контрреволюционными статьями были, в большинстве своем, изъяты из частей до пересечения границы. Тем не менее в частях оставалось немало красноармейцев, негативно относившихся к власти. Так, например, в 6-й батарее гаубичного артиллерийского полка 82-й стрелковой дивизии красноармеец Невидицын говорил: *«Я и сейчас питаю злобу на советскую власть, т. к. нас лишили избирательных прав неправильно»*. На вопрос, что он будет делать, если попадет в плен, Невидицын ответил: *«если там будет лучше, останусь там»*.²⁹ Вполне естественно, боеспособность и лояльность советской власти частей, укомплектованных резервистами с такими настроениями, могла оказаться весьма относительной. Руководство Наркомата Обороны, отправляя на фронт части, укомплектованные приписниками, предписывало Жукову не вводить их в бой до всестороннего изучения и дополнительной подготовки. Теоретически эти части должны были быть менее устойчивыми в бою (что и произошло), а количество плененных из резервистов должно было быть существенно больше, чем из красноармейцев кадра.

Статистический анализ данных обстоятельств пленения военнослужащих РККА на Халхин-Голе приводит к совершенно иным выводам. Не менее трети из них были захвачены в плен ранеными, обожженными, контуженными, иногда в бессознательном состоянии. В эту же категорию можно отнести авиаторов, выбросившихся с парашютом из сбитых над территорией противника самолетов и танкистов, покинувших выведенные из строя танки в глубине неприятельской обороны. Незначительное число красноармейцев было захвачено японской войсковой разведкой в качестве «языков», вследствие плохой организации боевого охранения. В конечном итоге, более чем половине попавших в плен красноармейцев и командиров обвинение в нарушении присяги быть предъявлено не могло и, в большинстве случаев, не предъявлялось.

Сопоставление имеющихся данных об обстоятельствах пленения с оперативными документами частей показывает, что наибольшее число случаев попадания в плен относится к первым или вторым суткам пребывания части в непосредственном соприкосновении с противником. К третьему дню, несмотря на усталость и потери, устойчивость части существенно возрастала и в дальнейшем потери пленными были единичными и статистически случайными. Для поступающего в часть пополнения вероятность попадания в плен в первые дни пребывания на фронте тоже была более высокой. При этом разница в потерях пленными между кадровым и приписным составом частей оказывалась в пределах статистической погрешности – резервисты попадали в плен не реже и не чаще чем красноармейцы срочной службы.

Изучение обстоятельств пленения красноармейцев в наиболее тяжелый период боевых действий (со 2-го по 14 июля) показывает, что вероятность пленения существенно воз-

²⁹ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.297.

растала в тех частях, где штабам не удавалось организовать нормального питания и минимального отдыха бойцов и командиров. Однако и здесь отбившиеся от своих частей солдаты в большинстве своем не спешили сдаваться в плен, но, упорно пробирались на запад, к Халхин-Голу. Лишенная растительности открытая местность этому не благоприятствовала, передвигаться можно было лишь в понижениях между поросшими невысокой травой барханами, песок затруднял движение, а полное отсутствие источников воды в сочетании с палящим июльским солнцем быстро изматывало солдат. Некоторые пытались отсидеться в заросших камышом понижениях рельефа до подхода своих частей; иногда это удавалось. Но, в большинстве случаев, отбившимся от своих частей не удавалось скрываться в степи более двух суток, к исходу которых они, без воды и пищи, оказывались совершенно обессиленными и реального сопротивления оказать не могли.

Точное количество военнослужащих РККА и МНРА, попавших в плен в ходе халхингольской войны неизвестно и на основании доступных данных установлено быть не может. Причин этому несколько.

В течение войны обе стороны неоднократно публиковали отрывочные сведения о взятых в плен военнослужащих противника и, в некоторых случаях, их фамилии. Полных списков, однако, опубликовано не было, а напечатанные в прессе имена и фамилии искажались до полной и абсолютной неузнаваемости; кроме того, в целях пропаганды иногда публиковались и ложные сведения.

Первичные данные учета пленных штабами японских частей остаются недоступными, за исключением отрывочных сведений, содержащихся в боевых донесениях и историях частей,³⁰ поэтому невозможно определить, сколько пленных фактически были доставлены в штаб 23-ей пехотной дивизии. Дневник командира дивизии генерал-лейтенанта Комацубара Мититаро содержит отдельные отрывочные сведения о численности захваченных пленных на некоторые даты, однако полных сведений в нем также нет. Кроме того не ясно, учитывались ли по 23-ей дивизии пленные, взятые частями, формально не входившими в ее состав, но подчиненные ее штабу (3-й и 4-й танковые полки, 8-й пограничный гарнизон и части армии Маньчжоу-Го).

Для периода майских боев («первого Номонханского инцидента» в японской терминологии) сведения о численности пленных, содержащиеся в известных японских документах и опубликованные в прессе, вполне коррелируют с советскими документами. Однако в июле японские данные становятся отрывочными, а в августе-сентябре новые сведения, возможно в связи со снижением количества пленных, не появляются совсем. Поэтому для анализа и сопоставления со сведениями, содержащимися в документах следствия, приговорах и переписке (и позволяющими установить даты пленения для большинства возвратившихся из японского плена – 72 человек из 82) остаются доступными лишь июльские сообщения.

Согласно разведывательной сводке № 38 Генерального Штаба Императорской Армии от 15 июля, за период с 1 по 15 июля было захвачено в плен 40 человек.³¹ Эта цифра в целом соответствует советским данным, если предполагать, что она фактически отражает число пленных по состоянию на вечер 13 июля, так как трое пленных, захваченных 13 июля еще не были доставлены из частей и сведения о них не были доложены в Синьцзин и далее в Токио. Также неплохо коррелирует с советскими данными донесение группы генерал-лей-

³⁰ Частично эти данные использованы Элвином Куксом, однако анализ списка изученных им японских оперативных документов позволяет сделать заключение о неполноте корпуса источников.

³¹ *Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 651.*

тенант Ясуока Масаоми о захвате в ходе боевых действий на правом берегу Халхин-Гола 32 пленных за период со 2 по 10 июля.³²

Дневник Комацубара в записи от 28 июля содержит сведения о 54 военнопленных, учтенных штабом 23-ей дивизии с момента начала конфликта.³³ Эти сведения уже заметно противоречат советским данным – к 28 июля в японском плену могло находиться от 55 до 62 советских военнопленных и не менее 10 цуриков МНРА. Рационального объяснения занижению численности пленных на 11–18 человек не имеется, можно лишь предполагать, что либо автор использовал неполные сведения, либо какая-то категория военнопленных не была им учтена – например, часть пленных могла быть учтена как «перебежчики».

Почти одновременно с записью, сделанной Комацубара, также 28 июля 1939 года, японское информационное агентство «Домэй Цусин» опубликовало коммюнике, выпущенное 28 июля в 15.00 штабом Квантунской Армии. Согласно этому официальному заявлению, в период с начала конфликта по 27 июля включительно, японскими и маньчжурскими частями было пленено 90 человек – 80 русских и 10 монголов.³⁴ Если в отношении монгольских военнопленных названная цифра вполне может быть верной, то для численности военнослужащих РККА она представляется завышенной. Разница в 18–25 человек может быть объяснена либо смертностью в плену, либо ошибками суммирования первичных сведений из донесений (такой случай доказан для учета сбитых советских самолетов), либо включением в список пленных интернированных лиц, содержащихся в одном лагере с пленными. В любом случае, здесь скорее можно предполагать добросовестное заблуждение, нежели злой умысел.

В общей сложности из числа советских и монгольских военнослужащих, плененных в ходе халхингольской войны, тем или иным образом вернулось 92 человека. Из их числа:

	РККА	МНРА	Итого:
Возвратились через линию фронта с разведывательными и диверсионными заданиями в период с 8 по 16 июля 1939 г.	3	нет	3
Переданы при обмене военнопленными 27 сентября 1939 г.	77	10	87
Переданы при обмене военнопленными 27 апреля 1940 г.	2	нет	2
Всего:	82	10	92

Примечания:

1. Согласно первому донесению об обмене военнопленными (шифротелеграмма Жукова Ворошилову № 1602 от 28 сентября 1939 г.)³⁵ японцами было передано 88 человек (78 военнослужащих РККА и 10 военнослужащих МНРА). Эта же цифра содержится и в неподписанной справке,³⁶ подготовленной не позднее 7 октября 1939 года для Ворошилова, но анализ текста этого документа позволяет заключить, что он подготовлен на основе названных выше шифротелеграмм и воспроизводит все их ошибки (например ошибки в написании фамилий). В донесении комиссии по опросу советских военнопленных названы фамилии лишь 77 человек военнослужащих РККА. По японским данным³⁷ советским представителям было передано 87 военнопленных. По-видимому именно эту цифру и следует считать верной.

³² Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 427.

³³ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 544.

³⁴ РГВА ф.37977 он.1 д. 136 л. 142.

³⁵ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.47–49; входящий номер № 28950/ш.

³⁶ РГВА ф.33987 оп. 3 д.1207 л.110, 111, 114.

³⁷ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, pp. 930, 1160.

2. В названной шифротелеграмме Жукова упоминается 10 возвращенных из плена монгольских солдат. Однако согласно докладу главного инструктора Политуправления МИРА бригадного комиссара Воронина японцами было передано 9 человек. Документальных данных, разъясняющих причину такого расхождения в цифрах, не выявлено.³⁸

Советские военнослужащие, вернувшиеся из плена, принадлежали:

Части	КНС	МКС	РС	Итого:
36-я мотострелковая дивизия (в/ч 7202)				
24-й мотострелковый полк (в/ч 5981)	нет	нет	1	1
149-й мотострелковый полк (в/ч 5987)	нет	1	16	17
175-й моторизованный артиллерийский полк (в/ч 7219)	нет	1	2	3
Итого по дивизии:	нет	2	19	21
57-я стрелковая дивизия (в/ч 6511)				
170-й (127-й) стрелковый полк (в/ч 6526)	нет	нет	2	2
171-й (293-й) стрелковый полк (в/ч 7250)	нет	нет	1	1
Итого по дивизии:	нет	нет	3	3
82-я стрелковая дивизия (в/ч 6567)				
601-й (72-й) стрелковый полк (в/ч 601)	нет	нет	1	1
602-й (210-й) стрелковый полк (в/ч 602)	1	нет	2	3
603-й (246-й) стрелковый полк (в/ч 603)	1	нет	13	14
Итого по дивизии:	2	нет	16	18
152-я стрелковая дивизия (в/ч 6607)				
480-й стрелковый полк (в/ч 722)	нет	нет	1	1
Итого по дивизии:	нет	нет	1	1
5-я моторизованная стрелково-пулеметная бригада (в/ч 8957)				
162-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 8969)	нет	нет	1	1
169-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 8994)	1	нет	10	11
Итого по бригаде:	1	нет	11	12
11-я танковая бригада (в/ч 8787)				
16-й отдельный танковый батальон (в/ч 8789)	нет	1	Нет	1
24-й отдельный танковый батальон (в/ч 8799)	нет	1	1	2
45-й отдельный танковый батальон (в/ч 8811)	нет	2	1	3
175-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 9114)	нет	2	3	5
Итого по бригаде:	нет	6	5	11
7-я мотоброневая бригада (в/ч 6657)				
247-й отдельный мотоброневой батальон (в/ч 9415)	1	нет	Нет	1
193-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 4379)	нет	нет	2	2
Итого по бригаде:	1	нет	2	3
8-я мотоброневая бригада (в/ч 9458)				

Части	КНС	МКС	РС	Итого:
171-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 9529)	нет	1	1	2
Итого по бригаде:	нет	1	1	2
9-я мотоброневая бригада (в/ч 9546)				
196-й отдельный стрелково-пулеметный батальон (в/ч 9607)	нет	1	Нет	1
Итого по бригаде:	нет	1	Нет	1
406-й отдельный батальон связи (в/ч 9379)	1	нет	Нет	1
Часть неизвестна	нет	нет	1	1
Итого по наземным частям:	5	10	59	74
22-й истребительный авиаполк (в/ч 8741)	1	нет	Нет	1
70-й истребительный авиаполк (в/ч 8941)	2	нет	Нет	2
38-й скоростной бомбардировочный авиаполк (в/ч 8837)	нет	1	Нет	1
56-й скоростной бомбардировочный авиаполк (в/ч 4005)	1	1	Нет	2
150-й скоростной бомбардировочный авиаполк (в/ч 8924)	1	1	Нет	2
Итого по авиационным частям:	5	3	Нет	8
Всего:	10	13	59	82

Примечания:

1. В таблице указаны только соединения (дивизии и бригады), принимавшие участие в боевых действиях.

2. В составе соединенной указаны только части, из состава которых были возвратившиеся пленные.

³⁸ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.349.

«Нужно другу заказать как попадать в плен...»

*Чем воевать, лучше уйти в плен к японцам, или быть раненым.
Красноармеец кавалерийского эскадрона, дислоцированного в Баин-
Тумене, Стёпин.³⁹*

«Момент попадания в плен. Еще с первой секунды японцы показали свою нечеловечность к человеку, а именно: сразу же я был избит прикладом винтовки и чем только мог. Вечером меня привязали к столбу, руки перевязали назад, а конец веревки к столбу и в сидячем положении я просидел всю ночь. Возле меня стоял часовой и, кроме того, офицер, который приказал мне сидеть в таком положении. И ни одного шороха, а также не спать, и как только я ворохнулся этим же моментом раз за разом получал пощечины. Прошла ночь. Утром начался допрос. Зная о том, что японцы так или иначе покончат со мной, я на каждый задаваемый вопрос отвечал «не знаю». При этом самурайский дух разгорался и мне приходилось испытывать сильные побои от нескольких японцев, которые по очереди меня избивали, что оглушало меня, я падал без сознания. Пребывая в таком состоянии они узнали, что я еврей, не стали спрашивать, дали попить чаю с булочкой (очевидно это было потому, что японцы хлеба вообще не едят). После этого связали руки и ноги, как им хотелось, упираясь ногой, чтобы затянуть больше веревку и со словом «жид» я был брошен на пол. Так прошел день. Вечером сыграли тревогу, валяясь на полу каждый бросал меня с угла в угол, наступали на лицо, живот, кто винтовкой ударит, кто плюнет... Но что можно было сделать мне? И приходилось терпеть несмолкающие боли и ждать скорой смерти, чтобы избавиться от этих издевательств. Прошла и эта ночь. Утром сфотографировали, таким образом, чтобы не было видно связанных рук, после чего завязали глаза, руки и ноги положили на грузовую машину, привязав к борту и повезли. Как мячик я подскакивал от быстрого хода машины. Японцы, которые меня сопровождали, смеялись и обратно применяли кулаки. По дороге мы останавливались, собирались люди, что-то говорили, кричали на меня, но не понимая языка я молчал, тогда каждый старался толкнуть меня...» (Хаим Дроб).

Об избиениях на фронте написали в своих объяснительных все бывшие военнопленные.

«...Меня самураи взяли, связали руки и ноги проволокой и закрутили газовцами. У меня захватывало дыхание. Самурайский санитар мне давал воды. В таком положении я пролежал одне сутки на фронте, а затем мне раскрутили проволоку из рук и ног и били прикладами. После всех истязаний я не мог поднять рук, а шол как мокрая курица с опущенными крыльями...» (Борис Евдокимов).

«...Когда японцы привели меня в свой окоп, то стали избивать, били до тех пор, пока я не потерял сознание. В штабе я на их вопросы не отвечал, а они меня били. Кушать до обеда 22 августа не давали (т. е. 2 дня). Вместо воды мне кинули песок и говорят – пей...» (Яков Хомутов).

«...При пленении меня схватили за руки, связали и положили возле окопа, и били кому чем вздумается, топтали ногами, сыпали в рот песок, били под бока прикладом, ноги и руки связали проволокой...» (Дмитрий Чулков).

«...четверо суток я пролежал у самураев связанным. За все это время мне ни грамма не давали пищи и не капли воды. Самураи на нас троих отыгрывались, били нас чем попало, зарывали в песок, плевали, харкали и сыпали песок в глаза...» (Николай Шатов).

³⁹ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.302.

«...с той же минуты стали бить прикладами по бокам и по голове, связывали специальными путами руки, привезли в ближний городок и начали обыск, сняли с нас все, оставили нас голыми и пистолеты торчали перед грудью, рвали и бросали нас с угла в угол, пить воды не давали, есть дали через большое время 200 гр. японских галет...» (Петр Еремеев).

«...Просил у них пить, а они бросали в лицо песок...» (Федор Гриненко).

«...Связанных нас снимали, водой обливали, пополам с бензином поили...» (Петр Акимов).

«...здесь уже начались издевательства самураев надо мною, кто бил ногой, кто кулаком, кто топтал связанные руки и потом уже подошел ко мне самурайский офицер и обнажив наполовину шашку, стал водить по горлу, я плюнул на него и отвернулся, за это он меня ударил шашкой по голове, отчего я на время потерял сознание, когда я открыл глаза, меня опять подняли и хотели застрелить, но почему-то отставили и потащили за сопку, там били, затем посадили на танк сзади башни и отправили дальше. Когда подвели к офицеру, он ткнул шашкой и ударил в грудь кулаком, я упал на спину, мне завязали глаза и связали ноги...» (Александр Бурняшев).

«...25 августа самурайские когти схватили меня, я не успевал глазом моргнуть, как сыпались на меня приклады: кто в бок, кто в голову, вышибли меня из памяти...» (Дмитрий Бянкин).

«...Сразу связали мне руки назад и потащили в укрытие. Пока тащили с километр расстояние, все время били когда притащили, связали мне и ноги, мало того что ноги мои были обе ранены, сзади под руки подоткнули мою флягу и положили на спину. Поставили часовых. Ночью пошел дождь, я все время лежал на спине, сомлел до основания лежа на руках с подтянутой флягой и если я пытался заворочаться, то меня за это били. Утром стало развидняться, меня взяли за эту связку, которой были связаны ноги и в таком положении как я лежал, потащили под гору метров 50, там меня развязали, поставили на ноги и приказали идти за ними, но мне идти было очень трудно, то за это они меня били всю дорогу моей флягой, которой были связаны руки, они все время били по лопаткам. Когда привели в свои барханы в это время разорвался снаряд наших батарей и убил 2 самураев. За это меня они обратно стали бить, довели меня до без сознания. После этого я был там почти двое суток, меня били только за то, если я просил воды, а если я не просил, то они до меня не касались и лежал как собака...» (Михаил Шахов).

«...когда взяли меня в плен, скрутили руки шпагатом и начали издеваться, бить, спросишь воды они берут песком в морду и прикладами в спину...» (Егор Валов).

«...сразу пошла расправа: руки связали веревками до невозможности, глаза тряпками и давай бить: кто пинками, кто веревкой, а кто каской. У меня сразу перешибли плечо прикладом, которое долгое время болело, наставляли штыки в грудь, проломил голову каской, беря патрон толкали его в нос, в рот, в глаза и говорили «Хорошо», не скажешь хорошо, начинают по новому бить и издеваться...» (Тимофей Бакшеев).

«...самураи набросились на нас, связали нам руки так, что руки вспухли...» (Тимофей Воронин).

«...Как попал в плен, мне связали руки, привязали к кусту, били кулаками, махали палками, а потом увели к ямам и связали ноги и били прикладами. Подводили к другим ямам, хотели расстрелять, но раздумали и увезли в тыл...» (Тимофей Вертлюгов).

«...давали одну сигарету, когда станешь прикуривать, то обязательно прижгут спичкой губу или руку...» (Тимофей Воронин).

«...Мы были связаны друг с другом, кто за шею, кто за ноги. К утру привезли в тыл к палатке, шел дождь, я прижался к палатке и меня за это ударили палкой по голове...» (Иван Давыдов).

«...Каждый подходил и сыпал песок на глаза...» (Батыр Кайбалеев).

«...сразу взяли связали руки, ноги и начали меня бить прикладом, потом отправили через 2 дня в тыл, там тоже начали толкать прикладом...» (Иван Поплавский).

«...Я попал в плен 27 июля 1939 года при внезапном нападении японцы окружили и дали прикладом по голове, потом руки стянули назад до отказа и увели, посадили в траншею, где я сидел 2 дня со связанными руками, приходили японцы, били по голове клинками, по спине ногами, сыпали в глаза песок и спрашивали: хорошо. А ночью опять били лопатой по боку...» (Дементий Каракулов).

«...К японцам я попал в плен 10 июля, связывали руки, били клинками по голове, прикладами, поддевали под ребра, надевали петлю на шею и давили так, что я потерял сознание. Повели вдоль фронта. Подводили к группам солдат и каждый раз били кто чем может. Привезли в тыл, раздели и стали допрашивать и бить. Били за то, что сочли меня танкистом, потом били за то, что посчитали меня командиром, так как у меня на петлицах были трафареты тиномета.⁴⁰ Допытывали, где у тебя наган. Они ни одному моему слову не верили, и все время били. После этого повели на расстрел, поддержали там и не расстреляли, а завели в палатку и бросили там до утра. На другой день опять повели расстреливать, но тут пришел офицер и меня повели обратно. Кормили плохо, над связанным издевались, кто как мог...» (Федот Коньков).

«...меня связали проводом до бесчувствия, посадили в грязь около палатки, и кто бы ни шел, каждый давил руки, ноги, били кулаками и спрашивали – «хорошо?» Ответишь, не ответишь «хорошо» – все равно бьют по морде. На машине меня привязали к ящикам, был как собака на цепи...» (Иван Косых).

«...Когда японцы меня окружили, человек восемь, сразу же связали руки, завязали глаза и стали бить прикладами и пинками, а потом повезли к ним в тыл, пока вели все время били после чего посадили на машину, связали ноги и повезли дальше. Привезли. Бросили на землю, где я пролежал до 12 час. следующего дня...» (Афанасий Мигунов).

«...ремень на мне разрезали штыком и повели, связали руки и ноги так водили по барханам, били прикладом, пинали и топтали. Все лицо было разбито, как наш снаряд ударил им в кухню и убило несколько солдат, они бьют и говорят – «Ах, хорошо СССР бьет» и повели в тыл к Штабу, дорогой тоже били...» (Петр Корягин).

«...На фронте не кормили ничем и воды не давали 3 суток, а бить – бьют...» (Иван Поплавский).

«...Связывали руки и ноги, таскали по пескам, бросали в ямы, пинали, топтали, били прикладами, по всякому издевали[сь], обрывали пуговицы от гимнастерки, звезду у пилотки, смеялись, поили из консервных банок с грязью...» (Павел Рогожников).

«...Когда меня привели к японской кавалерии, то один самурай вынул клинок и стал казать, что отрубит голову. Потом перестал. При прохождении около одной батареи выскочил самурай и стал избивать меня, ударил прямо по лицу, из носа пошла кровь, он бил прикладом и пинками ног. На фронте у японцев я сидел 3 суток и каждый день били, сыпали песок в глаза, учились на мне штыковому бою...» (Михаил Кочерин).

«...Как взяли меня в плен, то закрутили руки назад и стали избивать прикладом по голове и по чем попало. Когда везли в тыл, то кто пнет, кто щипнет, а кто кулаком. Попросишь пить, а они плюются. Так и лежишь...» (Иван Шляпников).

«...Привели в палатку, то всю ночь подходили ко мне и били по чему попало...» (Николай Юхман).

«...При отступлении самураев меня взяли с собой, я просил воды, а они сыпали в рот и в глаза песок...» (Федор Лукашек).

⁴⁰ Так в документе. Вероятно, Федот Коньков был одет в поношенную командирскую гимнастерку со снятыми с петлиц знаками различия.

«...и тут били прикладом по ногам и спине, потом положили и до утра я лежал. Утром повели в тыл. И я у них начал просить пить, но в то время один из них ударил по щеке и я опять успокоился, потом один японский солдат дал мне галет, я их не стал кушать, он меня опять ударил и я на следующий раз стал есть...» (Ефим Кустов).

«...На какой-то станции они узнали, что я комсомолец, и так стали бить, что в глазах затуманилось...» (Иван Косых).

Многие военнопленные особо упоминали про «упражнения» со стальными шлемами, по-видимому отражавшими какую-то японскую «армейскую традицию»:

«...Когда нас взяли, связали руки, надевали на лицо каски и по каскам колотили прикладом и били прикладом по голове и по чему хочется. Просили пить, а они вместо воды бросали в рот песок, потом связанного бросали на машину и с машины...» (Влас Азанов).

«...Японцы связали руки до невозможности и ударяли прикладами, закрывали глаза касками нашими и этими касками били по головам...» (Иван Тиунов).

«...Когда японцы забрали меня, то закрутили руки назад, били прикладами, снимали с головы каску и били ею по голове. Мучила жажда, а японцы сыпят в рот песок, бьют под бока, переворачивают лицом к земле...» (Спиридон Аликин).

«...Один офицер подбежал ко мне, что-то забормотал, потом ударил меня в бок два раза ножнами клинка, потом снимали с меня каску и начинают стучать по голове каской, раз 10 ударил, потом надел обратно...» (Иван Горновский).

«...При взятии нас в плен, издевательски скручивали руки, даже не было терпимости, надевали каски на лицо и били кулаком; если попросишь курить, а руки были связаны, то они прижигали рот огнем...» (Петр Панов).

«...Потом пришла автомашина, завязали глаза и повезли дальше, привезли в штаб и там начались новые переживания. Подходили смотреть как на зверя, снимали каску с моей головы и били, и это была просто забава. Продолжалось до тех пор пока, уже на четвертый день, я выбрал время и чтобы никто не видел, я каску забросил; этим кончилось дело и я оставался не битым до Харбина...» (Михаил Шахов).

Были, однако и случаи, когда японцы в порядке «просто забавы» придумывали для пленных «что-нибудь особенное».

«...хотели мне клинком отрезать нос, но я крутнул головой, один офицер закричал, они бросили...» (Иван Поплавский).

«...Когда меня схватили самураи, несмотря на то, что я был ранен в семи местах, они меня тащили по земле, как голодные волки добычу. Около штаба какой-то самурай стал избивать меня по лицу. Утром приносят мою каску, в которую они оправлялись, и надели мне ее на голову...» (Анатолий Дрантус).

В общем, как выразился Тимофей Бакшеев *«...и так за все время в плену много пришлось пережить, перенести трудностей и страху».*

При этом добровольная (с белым флагом, листовкой-пропуском) сдача в плен от избиений и жестокого обращения не спасала. По крайней мере из известных по документам эпизодов следует, что японская армия не делала различия между «сдавшимися» и «взятыми в плен».

Случаи корректного отношения к пленным на фронте были единичны. Более того, гуманизм отдельных японских солдат пресекался их непосредственными начальниками. Так, когда японские солдаты принесли красноармейцу Ивану Шляпникову котелок воды, *«как увидел офицер, подбежал, вытащил шашку и замахнулся на меня, после этого стал*

избивать своих солдат». Павлу Чураеву японские солдаты тоже давали пить украдкой от офицера.

Причины столь жесткого отношения к пленным, по-видимому, в первую очередь заключаются в основанной на концепции национального и расового превосходства практике дегуманизации противника, характерной для японской армии двадцатых – сороковых годов XX века. В этом смысле характерно высказывание командира 64-го пехотного полка полковника Ямагата Такэмицу в интервью токийской газете «Ници Ници Симбун» 7 июня 1939 года: *«...Я видел убитых обеих армий, но если лица убитых японских солдат имеют вид исключительно храбрый, и наоборот лица Советских убитых солдат весьма безобразны...»*.⁴¹

При таком общем подходе факт подписания Японией Женевской конвенции 1929 года об обращении с военнопленными уже не имел практического значения. Особенно остро отразилось это на положении тех, кто попал в плен раненым, контуженным, обожженным или просто истощенных при попытке выйти к своим войскам – а таких было более трети от общего числа попавших в плен.

21 августа 1939 года американский журнал «Life» опубликовал серию фотографий,⁴² две из которых отражали положение пленных советских авиаторов в японских госпиталях. Фотографии были сделаны собственным корреспондентом «Life» Джоном Моррисом 7 августа в военном госпитале в Хайларе.

В статье от 21 августа Моррис утверждал, что «нейтральные наблюдатели полагают, что русские пленные в Маньчжоу-Го получают лучшее лечение, чем японские пленные во Внешней Монголии, так как японские госпитали находятся ближе к базам снабжения».⁴³ Рассказы вернувшихся пленных рисуют несколько иную картину:

«...Я был ранен и просил перевязать, а они говорят сдохни, ты нам не нужен. Так и не перевязали...» (Яков Хомутов).

«...Больных они лечили избиванием, чем больше больной кричал, тем более они ковырялись в ране, били больного, после того как обрабатывали рану, эту же вату бросали в лицо...» (Хайм Дроб).

«...Привели в перевязочную комнату, стали по-идиотски перевязывать и говорят хорошо, я сказал нет, не хорошо, они и давай меня бить кулаками и потом повели в тюрьму...» (Борис Евдокимов).

«...когда мне стали оказывать помощь, то сильно издевались, после этого 4 дня рана была не перевязана и от ран шел дух падалью...» в Харбине *«...очень и очень издевались при перевязке их санитары и доктор вытаскивал тряпку из раны и кидал в лицо...»* (Павел Чураев).

«...Санитарной помощи не давали четыре дня и только на пятые сутки сделали перевязку, рана уже загноила и когда они стали чистить рану, то вырывали кусками живое тело и обломки костей, нога моя стала воспаляться, тогда они стали делать уколы, щипать тело ножницами, по телу пошли синяки и темные пятна. Да еще, если придет какой санитаршишка, да не поклонился ему, то до тех пор будут избивать, пока поклонишься да скажешь хорошо или спасибо, дау них на этом стоит...» (Николай Шатов).

«...Когда узнали они, что я и мой товарищ больны, один унтер-офицер и группа солдат открыли дверь, поставили нас впереди себя. Унтер-офицер стал нам давить штыком животы...» (Андрей Колчанов).

⁴¹ РГВА ф.32113 оп.1 д. 291 л.12.

⁴² Japan Capture Russians in Mongolia, Demonstrates Against Britons in Tokyo. // Life, Vol. 7 No.8, August 21, 1939, p. 29.

⁴³ Japan Capture Russians in Mongolia, Demonstrates Against Britons in Tokyo. // Life, Vol. 7 No.8, August 21, 1939, p. 29.

Впрочем, вернувшиеся из плена красноармейцы отмечали, что японцы и со своими ранеными обращались не лучшим образом: «...Когда я ехал на грузовике в Хайлар, то унтер-офицер своих водителей и ехавших раненых бил всю дорогу. Раненый спросится в уборную (тяжело ранен, дорога дальняя – 230 клм.), то лучше не просись: сперва наорет, а потом прикажет снять оправиться.» (Николай Шатов).

Вопрос о смертности военнопленных в плену, как непосредственно на фронте, так и в госпиталях Хайлара и Харбина, остается открытым. По документальным данным,⁴⁴ известно, что в советских госпиталях в период с начала конфликта по 27 сентября умерло минимум 6 пленных японцев, еще трое умерли уже после передачи их японской комиссии. Соответствующих японских данных не имеется, а доступные материалы следствия и объяснительные записки военнопленных не содержат ни одного упоминания случая смерти в плену. Одновременно имеются сведения о ряде военнослужащих, по документам частей значащихся попавшими в плен, но отсутствующие в списках возвратившихся из плена. Они могли умереть в госпиталях, но могли и быть убитыми сразу после пленения.

Попытка оценки смертности в плену по косвенным данным (сопоставление численности возвратившихся из плена с японскими сообщениями об общем числе захваченных), в принципе не может быть надежной, так как общее количество пленных могло быть завышено – как в пропагандистских целях, так и вследствие ошибок суммирования данных разных источников.

A captured Soviet pilot, suffering from face wounds, is hospitalized by Japanese at Hailar, Manchukuo. The scroll on the wall (left) is the Japanese National Anthem.

«Пленный советский авиатор, страдающий от ран лица, госпитализирован японцами в Хайларе, Маньчжоу-Го. Свиток на стене – японский национальный гимн». *Life*, 21 августа 1939 г.

⁴⁴ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.47–49.

Death almost caught another Russian flier (center) but the Japanese got to him first. He had a miraculous escape when his all-metal plane crashed, was practically demolished. (LIFE, Aug. 7).

«Смерть почти настигла другого русского авиатора (в центре), но японцы взяли его раньше. Он чудесным образом спасся, когда его цельнометаллический самолет разбился, был практически уничтожен». Life, 21 августа 1939 г.

Если подписи к фотографиям по своему содержанию верны и на фотографиях действительно авиаторы, то изучение документов позволяет установить их личности. К 7 августа японцами было захвачено в общей сложности трое советских авиаторов: лейтенант Гусаров, взят в плен 24 мая, лейтенант Красночуб, взят в плен 26 июня, старшина Шерстнев, взят в плен 24 июля. Дмитрий Гусаров попал в плен, приземлившись на территории Маньчжурии вследствие навигационной ошибки, при пленении травм и ранений не получил и в госпиталь не попал. Следовательно, на фотографиях Иван Шерстнев и Павел Красночуб, покинувшие свои горящие самолеты в воздухе. При этом человек на первой фотографии, с ампутированной левой рукой, не может быть Павлом Красночубом, который после репатриации остался летчиком. Следовательно это Иван Шерстнев, следы которого после возвращения из плена теряются...

«У штаба выбросили меня связанного из машины вниз головой...»

Красноармейцев, захваченных в майских боях, на фронте избивали, но практически не допрашивали. Несмотря на то, что первый пленный оказался в руках японцев 20 мая и был «допрошен» на следующий день, командование «отряда Адзума»⁴⁵ и 64-го пехотного полка вечером 26-го мая было абсолютно уверено, что японским частям придется действовать против монголов с русскими офицерами, но не против регулярных частей Красной Армии. Даже ввязавшись в бой, японские командиры полагали, что смогут справиться с любым противником и не слишком интересовались сведениями о нем. Вследствие этого допрос был поверхностен. Захваченный в 4 часа утра 29 мая красноармеец Кайбалеев после возвращения из плена показал: *«...один из них по-русски допрашивал – сколько машин ехало, я отвечаю – не знаю, тогда он меня ударил клинком...»*. После этого Батыра Кайбалеева отправили в Хайлар. Относиться к допросу пленных серьезнее японцы начали только после тяжелых потерь, понесенных в боях 28–29 мая.

Первичным допросом пленных, сначала в Хайларе, а с двадцатых чисел июня и непосредственно на фронте, занимался майор Ньюмура Мацуити, начальник подразделения военной разведки, выделенного из состава харбинской японской военной миссии (*токуму кикан*) и приданного 23-ей пехотной дивизии. Фактически майор Ньюмура руководил всей разведкой на номонханском фронте (к середине августа в его подчинении находилось 200 человек) и сфера его ответственности была весьма широка – он отвечал за войсковую и агентурную разведку, радиоразведку и авиаразведку (включая дешифрирование аэрофотоснимков). Свободно владея русским языком, Ньюмура лично допрашивал пленных, а по окончании конфликта сопровождал пленных к месту передачи. Он пережил Вторую мировую войну, мемуаров не оставил, но в шестидесятые годы сообщил американскому исследователю Элвину Куксу ряд ценных сведений как о результатах деятельности японской разведки вообще, так и о русских военнопленных. В интервью Ньюмура не касался методов допроса, бывших в употреблении в штабе 23-ей пехотной дивизии, но представление о них можно составить из рассказов вернувшихся пленных:

«...У Штаба выбросили меня связанного из машины вниз головой, давали курить, а сами тыкали огнем в рот, всячески издевались, били по рукам прикладом...» (Петр Корягин).

«...водили как собаку, на поводке на допросы, не спускали с поводка, очень резало руки, они смеялись и сильнее рвали руки...» (Павел Рогожников).

«...В штабе завели в палатку стали допрашивать, когда не отвечаю на вопросы самурай заявил «Убить придется», показывая наган и был выведен в кусты с завязанными глазами, где меня вертели, толкали под бока и отвели в выкопанную в берегу землянную палатку. Самурай развязал глаза стал спрашивать две больших тетради, когда я сказал не понимаю, он покривил рот, размахнулся и ударил ими меня по голове. Завязав глаза и увели...» (Андрей Колчанов).

«...В штабе я на их вопросы не отвечал, а они меня били...» (Яков Хомутов).

«...После этого повели в штаб и стали допрашивать. Я им все отвечал не знаю, а они за это били в голову, подводили с завязанными глазами, наставляли на меня штыки, щелкали затворами...» (Дмитрий Чулков).

⁴⁵ 23-й разведывательный полк 23-ей пехотной дивизии; в терминологии РККА по штату скорее соответствовал разведывательному батальону. Частью командовал полковник Адзума Яодзоо.

«...и привели меня к жандарму на допрос, чем начал допрашивать раньше ткнул в руку карандашом...» (Павел Чураев).

«...Когда меня привели в Штаб начали допрашивать, я им отвечал – не знаю, они стали избивать и палкой в глаза швырять и плевать в глаза...» (Иван Горновский).

«...Японцы когда нас взяли в плен, сразу связали всех в кучу очень крепко и повезли к Штабу. У Штаба сильно били и не давали воды, вместо воды сыпали в рот песок и потом прикладом дернет и говорит – «хорошо?»» (Мефодий Шиян).

«...потом подходил толстый офицер и говорит здравствуй, я ничего не сказал, то он развернулся и ударил меня: почему не здороваешься. Потом он ударил сапогом за то, что я не сказал какой я части...» (Николай Юхман).

«...при допросах били рукояткой от нагана и несколько раз кулаками». (Петр Панов).

«...на допросах били как собаку и водили на поводу, издевались...» (Тимофей Вертлюгов).

«...на допросах били так, что искры сыпались из глаз...» (Федор Гриненко).

Рассказывая Элвину Куксу о своей деятельности в номонханских боях, майор Ньюмра описал только один допрос раненного в лицо советского младшего командира («ладный унтер-офицер, не хуже любого японца»), захваченного в плен 30 июня: «...рот русского был сильно поврежден и сначала он отказывался отвечать на вопросы. В конце концов, он заговорил, но его трудно было понять...». Пленный сообщил, что он из отряда Быкова 11-й танковой бригады, что в бригаде 80 плавающих танков и две батареи полевой артиллерии с 76-мм пушками (всего 8 штук), что 45-мм противотанковые пушки могут стрелять тремя типами снарядов (бронепробивными, мгновенного взрыва и снабженными взрывателями с небольшим замедленным действием), что русские гранаты, похожие на черепаший панцирь, бывают оборонительного и наступательного действия, и что последние впервые применены на Халхин-Голе... В результате допроса пленного и изучения документов захваченных у его убитого командира лейтенанта Александра Мигутина, Ньюмра получил «первые точные данные об 11-й танковой бригаде».⁴⁶ Младший командир, допрошенный майором Ньюмра, в реальности принадлежал взводу противотанковой артиллерии 3-го батальона 149-го мотострелкового полка. Изучение списков потерь этой части позволяет предположить, что этим человеком мог быть младший комвзвод Иван Бутенко, «погибший в бою 30 июня и похороненный в братской могиле в районе боя». Вероятно он был убит или умер во время допроса. В 11-й танковой бригаде не было ни одного *плавающего* танка, зато имелось 207 *неплавающих* (193 БТ-5, 4 артиллерийских БТ-7А и 10 огнеметных ХТ-26)... В распоряжении «отчаянно нуждавшегося в информации» майора Ньюмра к этому времени уже имелось минимум четверо пленных, захваченных в майских боях, в том числе трое – из «отряда Быкова» 11-й танковой бригады (175-го отдельного моторизованного стрелково-пулеметного батальона). По-видимому старшина Хаим Дроб, захваченный в плен 20 мая и красноармейцы Степан Степура, Федор Гриненко и Батыр Кайбалеов, взятые 28 мая, тоже рассказывали японской разведке не много.

В течение очень короткого периода (первая половина июля 1939 года) японцы практиковали вербовку пленных в качестве шпионов и диверсантов. По-видимому эта деятельность также осуществлялась под руководством майора Ньюмра. За отсутствием японских данных эффективность ее оценить трудно, но оснований для предположения, что действия разведчиков и диверсантов из пленных были успешны не имеется. Первым таким «шпионом» был красноармеец 149-го мотострелкового полка Хутаков, бурят, попавший в плен 3 июля. 8 июля он был переброшен через линию фронта, а 10 июля задержан в ближнем тылу

⁴⁶ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990 pp. 362–363.

с забинтованной здоровой ногой. Следующим стал красноармеец 149-го мотострелкового полка Дмитрий Бондаренко,⁴⁷ попавший в плен 11 июля. В ночь на 16 июля он перешел через линию фронта и возвратился в свою часть, где был немедленно арестован уполномоченным Особого Отдела. Согласно материалам следствия, на допросе Бондаренко заявил, что получил от японцев явку к начальнику штаба полка майору Садчикову, который должен его снабжать секретными сведениями. Теперь уже невозможно достоверно установить, действительно ли красноармеец Бондаренко обвинил начальника штаба в шпионаже, или его показания были творчески переосмыслены особистом, но майору Садчикову пришлось нелегко. Надо отдать должное 90-му Военному Трибуналу, который счел обвинение в шпионской деятельности недоказанным; майора признали виновным лишь в утрате секретных документов (проекта схемы радиосвязи полка, таблицы позывных, таблицы волн и ключей к шифровальной таблице ПТ-35) и приговорили к двум годам условно по статье 193-17.⁴⁸ Красноармейцы Хутаков и Бондаренко в октябре 1939 года были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны.⁴⁹

Третьим «агентом» Ньюмуры стал красноармеец 603-го стрелкового полка Максим Пехтышев. Взятый в плен в неразберихе боя 13 июля, он немедленно согласился взорвать понтонный мост через Халхин-Гол, получил от японцев «адскую машину», удостоверение и пропуск через линию фронта. В ночь с 15 на 16 июля перешел линию фронта и утром явился в ближайшую часть (241-й автобронетанковый батальон 9-й МББр) где, по собственной инициативе, рассказал о своем нахождении в плену и полученном задании. На следующий день Пехтышев был арестован военным прокурором 57-го особого корпуса военюристом 1 ранга О.Д. Хуторяном и приговорен 90-м Военным Трибуналом к высшей мере наказания по статье 193-22, с заменой расстрела шестью годами ИТЛ.⁵⁰ Анализ выявленной в ЦАМО «анкеты по розыску военнослужащих, пропавших без вести в период Отечественной войны», заполненной в 1949 году женой Максима Пехтышева Ефросиньей Дмитриевной, позволяет заключить, что после осуждения он был направлен в Буреинский ИТЛ (т. н. Бурлаг). Письменная связь с Максимом Пехтышевым прекратилась в июне 1941 года, а в 1949 году он был учтен как «пропавший без вести на фронте Отечественной войны в декабре 1941-го».⁵¹

Тем не менее, есть основания предполагать, что по крайней мере один случай использования пленного для разведывательной деятельности мог быть успешен. Согласно материалам следствия в отношении возвратившихся пленных, красноармеец Тимофей Бакшеев, сдавшийся 10 июля в составе группы капитана Казакова, находился на особом положении. К попаданию в плен он отнесся с энтузиазмом, рассказывал другим пленным о своих родственниках в Маньчжурии и предполагал остаться здесь на постоянное жительство. Он не был отправлен с остальными пленными из Хайлара в Харбин, и оставался в Хайларе еще 12 или 13 дней. В течение этого периода его два раза возили в прифронтовую полосу. Позже, в Хайларе, Бакшеев пользовался некоторой свободой – продолжал разыскивать дядю, его *«переодевали в гражданское платье и возили к белогвардейцам, где его угощали, возили по ресторанам и магазинам»*. В итоге следствию так и не удалось найти доказательства его

⁴⁷ В некоторых документах, например шифротелеграмма начальника политотдела корпуса Мельникова № 290 ошибочно указана фамилия Захарченко (РГВА ф.37977 оп.1 д.79 л.11).

⁴⁸ 22 июня 1941 года условно осужденный майор Петр Павлович Садчиков находился в Витебске в должности начальника штаба 505-го стрелкового полка 153-й стрелковой дивизии. Полк участвовал в боевых действиях с 28 июня, с 11 июля дивизия вела бои в окружении, при выходе из окружения 505-й полк шел головным, пробивая дорогу остальным частям. 28 июля майор Садчиков тяжело был ранен в бою под Смоленском и эвакуирован. 2 октября представлен к Орденом Красной Звезды, награжден 14 января 1942 г. (Пр. Ленинградского фронта № 0123/н).

⁴⁹ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.158,332; д.327 л.45–46; ф.37977 оп.1 д.79 л.11.

⁵⁰ РГВА ф.32113 оп.1 д.75 л.159,338; ф.37977 оп.1 д.79 л.11,16.

⁵¹ ЦАМО ф.58 оп.977522 д.581 л.114,115.

переброски через линию фронта. В отсутствие японских документов этот вопрос остается открытым.

По-видимому, убедившись, что посланные через линию фронта агенты не возвращаются, майор Ньюмура прекратил попытки вербовки пленных для разведывательной и диверсионной деятельности. В дальнейшем агентурная разведка выполнялась китайцами, а диверсии в прифронтовой полосе – русскими военнослужащими отряда полковника Асано Макото (*Асано бутаи*). Эта часть, непосредственно входившая в состав Квантунской армии, была сформирована в апреле 1938 года, преимущественно из казаков Трехречья, для разведки в прифронтовой полосе и диверсий на Транссибирской железной дороге на случай начала советско-японской войны. 5-й эскадрон отряда Асано численностью около 250 человек принимал участие в боевых действиях начиная с июля. Эскадроном командовал забайкальский казак капитан В.В. Тырсин, с 1932 года служивший в японской жандармерии. Для обмундирования диверсантов японцы отбирали военную форму и снаряжение у пленных, иногда заменяя ее на гражданскую одежду. Наиболее ранний случай изъятия формы фиксируется 4 или 5 июля на фронте, но иногда форма изымалась уже в Харбине. На кадрах кинохроники, снятой во время обмена пленными видно, что часть их стоит в строю в нательных рубашках, гражданских пиджаках или «марлевых кофтах».

Сведения о практических результатах деятельности японских диверсантов крайне скудны. Так, например, известно о проникновении 8-10 августа в тыл 8-й кавалерийской дивизии МИРА группы «белогвардейских бандитов», действовавших под видом советских инструкторов. В ночь с 8 на 9 августа диверсионная группа напала на спящий полевой караул 22-го кавалерийского полка, при этом был убит один монгольский солдат, и еще один ранен. Ночью 10 августа они взорвали в расположении несколько гранат, вследствие чего был ранен один циррик, убито и ранено несколько коней, а инструкторам в ночное время было предписано ходить по расположению части только в сопровождении «монгольских товарищей».⁵² На фоне постоянных призывов командования и политических органов к повышению бдительности распространяющиеся в тылах слухи о вездесущих диверсантах принимали невообразимые формы. Так, красноармеец 6-й танковой бригады Саенко через несколько дней после упомянутого выше эпизода уже рассказывал товарищам, что *«9-го августа ночью японцы разбили 30 наших танков и уничтожили целый батальон пехоты. Сейчас ездят целые эшелоны и возят раненых красноармейцев»*.⁵³ В реальности, однако, деятельность «асановцев» фиксировалась частями РККА только в виде донесений в вышестоящие штабы о том, что из неприятельских окопов слышен русский мат.

В распоряжении штаба 23-ей пехотной дивизии пленные, как правило, находились недолго – обычно 2–3 дня, редко дольше. После этого их отправляли в Хайлар, чаще с попутным грузовиком, реже специально организованным транспортом. Пленные перевозились связанными, если их было несколько – то связанными и между собой. В пути запрещалось разговаривать, а на въезде в город им завязывали глаза. Обращение конвоя было жестким:

«...Когда нас повезли на Хайлар, то всех связали, за шеи и ноги спутали очень крепко» (Мефодий Шиян).

«...когда увезли с фронта в тыл связывали руки и привязывали друг к другу» (Егор Валов).

«...посадили в машину и везли в тыл, ширяли ногами» (Тимофей Воронин).

⁵² РГВА ф.32113 оп.1 д.94 л.247; БХЯ ЗХ-ний Архив ф.4 оп. 2 д.32 л.57–58, приказ заместителя командующего МНРА корпусного комиссара Ж. Лхагвасурэна № 54 от 12.8.39.

⁵³ РГВА ф.32113 оп. 1 д.75 л.95.

«...Во время движения меня бросало от борта к борту и охраняющие меня самураи каждый раз пинками ног подправляли меня и шипя нечеловеческим голосом» (Андрей Колчанов).

В Хайларе и Харбине

В Хайларе военнопленные попадали в сферу ответственности Хайларского отделения Японской военной миссии (*токуму кикан*), которым руководил генерал-майор Ёкой Тадамити и помещались в тюрьму военной жандармерии (*кэмпэйтай*). Красноармейцы именовали ее «конюшной» и описывали свою жизнь здесь в весьма нелестных выражениях:

«...Привозят нас в г. Хайлар руки связаны, глаза завязаны, посадили нас в собачий ящик по два человека, где приходилось даже оправляться, военицина ходит и смотрит на нас как на зверей, солдаты просунут через решетку штык и грозят пытками». (Петр Еремеев).

«...привезли нас в Хайлар и посадили в собачие ящики по 2 человека и не давали разговаривать и здорово били за то, что разговаривали». (Мефодий Шиян).

«...когда привезли в Хайлар посадили в какие-то стояла, тут же и уборная» (Егор Валов).

Подробнее других хайларскую тюрьму описал старшина Хаим Дроб, «провалившийся» в ней дольше всех – с конца мая по начало июля 1939 года: *«...меня посадили в жандармерию, где пытаются всех преступников, а также коммунистов, которых привозят из Китая. Одели на руки кандалы и посадили в клетку, представляющую собой загрязненный ящик, предыдущие здесь оправлялись и вообще для собак лучше убежище бывает. Здесь они хотели окончательно покончить со мной. Чтобы создать страх, на моих глазах пытали тех, которые сидели рядом со мной в других комнатах и ящиках. Что они делали над этими людьми? Дожили на скамью и привязывали, на голову лили горячую воду, садили их в разные танки, где применяли другие зверские методы. Но как позже выяснилось, что был издан приказ о том, чтобы пленных не убивать, а поэтому я здесь испытывал сухие методы пыток...».* По крайней мере некоторых пленных, в частности плененного 3 июля Бориса Богачева, в хайларской тюрьме *«заковали по рукам и по ногам цепями».*

Крайняя антисанитария имела следствием повальную вшивость заключенных. В РККА 1939 года даже единичный случай вшивости в подразделении считался чрезвычайным происшествием, отражался в политдонесении и мог закончиться для командира и политрука подразделения и командования части серьезными «проблемами» по строевой и партийной линии. Поэтому, после полутора лет службы в армии, для старшины Дроба вошь оказалась крайне неприятной неожиданностью: *«...это еще хуже этих пыток, ибо лежать скованным и ощущать как эти паразиты точили, не совсем приятно».*

Питание в Хайларе было исключительно скудным, пленных кормили один раз в день, давали воду и, по их оценкам, 150–200 граммов хлеба. Иногда вместо воды давали и чай. По словам Егора Валова *«кормили плохо, давали стакан чаю и кусок хлеба только раз укусить и хлеба нет».* Спиридон Аликин в своей объяснительной писал: *«Хлеба станешь просить, а жандарм кричит: грызи свои руки».* Встречались, однако, исключения – так, по словам Дементия Каракулова, в Хайларе *«кормили плохо, несчастные галеты, да рис без соли»*, а рацион Ивана Горновского, в период его недолгого пребывания в «собачьем ящике» состоял из *«грудочки сахара и 100 граммов хлеба».* Исходя из дат пленения Каракулова и Горновского, можно предположить, что либо питание редких пленных в Хайларе в конце июля несколько «улучшилось» и «разнообразилось», либо жандармы просто кормили их тем, что имелось в наличии в данный момент. Хаим Дроб утверждал также, что в хайларской тюрьме в июне 1939 японские медики брали у военнопленных кровь для раненых японцев.⁵⁴

На допрос из тюрьмы в здание жандармерии возили, как правило, ночью, с завязанными глазами, повязка снималась только в кабинете. Процедуру такого вывоза на допрос

⁵⁴ РГВА ф.32113 оп.1 д.662 л.31.

описал Мефодий Шиян: «...Я сидел в одном ящике с Еремеевым. В час ночи нас взяли, завязали глаза и вывели на двор, меня взял один за шею и гнет вниз, я нагнулся, тогда он пнул и я очутился в легковой машине, они привезли нас в одно место и стали спрашивать – что там видал дорогою, я ответил, что не видал ничего». Позже, в харбинском лагере военнопленных, допросы также не проводились на территории лагеря, пленных с повязкой на глазах возили на легковой машине в японскую военную миссию.

После боев первой декады июля численность захваченных пленных превысила возможности переполненной китайцами хайларской тюрьмы и их начали перевозить в Харбин. Перевозка осуществлялась по железной дороге в общем вагоне регулярного пассажирского сообщения, однако на вокзал и с вокзала пленных привозили с завязанными глазами и в пути не разрешали им смотреть в окна. Путь занимал около суток, все это время пленных не кормили.

Переброска пленных в Харбин была быстро зафиксирована советской разведкой. Уже 13 июля харбинский резидент РУ РККА сообщил в Москву, что 11 июля в город было доставлено около 30 пленных красноармейцев.⁵⁵ Майор Ньюмура Мацуити, *токумхэй* отвечавший за разведку на халхингольском фронте, вообще считал, что харбинской резидентуре РУ РККА в дальнейшем даже удалось внедрить агента непосредственно в лагерь военнопленных.⁵⁶ Теоретически такая возможность существовала, так как в охране «Хогоина» служили русские эмигранты,⁵⁷ однако в известных донесениях из Харбина по линии РУ РККА никаких сведений, поступивших из лагеря военнопленных, не содержится. Следует отметить, однако, что агент Разведывательного Управления РККА, хотя и не принадлежащий харбинской резидентуре, действительно побывал в лагере сразу после водворения туда халхингольских пленных, причем сам Ньюмура лично разрешил ему посещение. Этим человеком был уже упоминавшийся выше «французский корреспондент Де Вукелич», посетивший лагерь в составе группы иностранных журналистов. Точная дата посещения неизвестна, вероятно, это произошло 14–17 июля. Опубликовано 20 июля японской прессой интервью с Бранко Вукеличем, «выдержанное в прояпонских тонах», вполне можно считать образцом попытки осторожного управления общественным мнением через враждебные средства массовой информации. Так, рассказывая о хорошем обращении с пленными в Харбине, «Вукелич заметил, что одежда и обувь пленных были в хорошем состоянии, но было очевидно, что они не получали достаточно пищи. Когда японцы в первый раз стали давать им еду, то они жадно набрасывались на нее и глотали ее подобно голодным людям», и эта информация была распространена агентством «Домэй». Заявив, что пленные «были опечалены при мысли о разлуке со своими родными» и «были очень озлоблены на своих руководителей» он отметил, что «пленные единогласно заявили, что средние советские горожане, будь то военные или частные граждане, все против войны и не желают воевать», попытавшись донести до читателей идею о ложности концепции об агрессивности «русских вообще». Впрочем, редактором «Домэй» это было интерпретировано лишь как свидетельство плохого морального состояния и отсутствия боевого духа красноармейцев.⁵⁸

В целом в Харбине, военнопленные находились в несколько лучших условиях, по крайней мере по сравнению с хайларскими «собачьими ящиками». Первоначально они были

⁵⁵ РГВА ф.37977 оп.1 д.88л.91.

⁵⁶ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 931.

⁵⁷ Так, например, 7 октября 1946 года был арестован бывший надзиратель «Хогоина» Булдаков Борис Александрович, уроженец и житель Харбина, 1914 г. р. 28.12.46 он был приговорен к 10 годам ИТЛ. В начале 1990-х годов внесен в «Книгу Памяти Свердловской области» и, вероятно, полностью реабилитирован.

⁵⁸ РГВА ф.32113 оп.1 д.291 л.98.

заклучены в местной тюрьме, а затем в так называемом «Приюте» («Хогоин») – созданном в конце 1937 года центре временного содержания для пленных и перебежчиков из СССР, расположенном в доме № 2 по улице Кубанской. Опубликованные сведения об этом лагере весьма скудны и противоречивы, их недостаточно даже для определения фактической подчиненности этого учреждения харбинской Японской военной миссии (*токуму кикан*), разведывательному отделу штаба Квантунской Армии или военной жандармерии (*кэмпэйтэй*). Более вероятно первое, однако охрану лагеря несли жандармы (*кэмпэй*).

К моменту появления первых военнопленных, на Кубанской, 2 содержалось по крайней мере три советских авиатора. Двое из них, летчик ГВФ Борис Филиппович Гусаров и синоптик⁵⁹ Лев Николаевич Попов, входившие в экипаж почтового самолета П-Зет, 19 декабря 1937 года при выполнении рейса Хабаровск – Владивосток вследствие навигационной ошибки вынужденно приземлившись у станции Гаолинцзы (на территории Маньчжурии). Третьим был воентехник 2-го ранга Михаил Андреевич Домнин, стрелок-радист СБ, сбитого 14 марта 1938 года в районе Уху, в Центральном Китае.⁶⁰ Позже, в начале сентября, к ним присоединился командир эскадрильи 5-го истребительного авиаполка капитан Александр Николаевич Алаткин, самолет которого, при выполнении высотного маршрутного полета 27 августа 1939 года пересек советско-маньчжурскую границу и произвел вынужденную посадку в районе Дунина.⁶¹ К моменту появления в лагере «халхингольцев» выглядели они неважно – худыми и оборванными.

Свое отношение к вновь прибывшим администрация харбинского лагеря сформулировала на первом построении прибывших военнопленных: «...мы вас выручили от сталинского терроризма и мы к вам будем относиться хорошо, а если кто сделает побег, то мы вас будем расстреливать» (Григорий Топилин).⁶²

В «Хогоине» военнопленные были размещены в комнатах (по крайней мере в своих объяснительных они не именовали их камерами), туалет находился за пределами здания и туда можно было даже попробовать сходить без разрешения, можно было выйти к ограде и поглазеть на работающих «напротив» китайцев. Все это, правда, могло закончиться избиением. Помимо ежедневных построений и проверок, пленным разрешали прогулки. Рядовых красноармейцев и младший командный состав иногда выводили на улицу на хозяйственные работы по лагерю: «*рвать траву, мыть окна и т. д.*». Командиры были отделены и на прогулку выводились также отдельно.

Кормили в лагере несколько лучше чем в хайларской тюрьме, но все равно неважно. Бывшие военнопленные описывали питание в «Хогоине» так:

«...Кормили нас очень плохо, примерно в сутки хлеба давали грамм 250 или 300 и три стакана чаю, вот наша была пища».

«...Кормили очень плохо, утром дадут кусок хлеба и кружку чая, в обед граммов 250 хлеба и четверть литра супа, в котором попадет только картошка величиной с голубиное яйцо и капуста ложка; еще спрашивают – хорошо?» (Ефим Кустов).

«...Кормили плохо: утром один стакан чаю в обед суп очень плохой, вечером суп постный тоже плохой». (Тимофей Вертлюгов).

«...Кормили плохо: супу давали как малому ребенку, хлеба тоже мало, чай без сахара, так что переживали очень». (Егор Валов).

⁵⁹ Так в документах, возможно, бортмеханик самолета.

⁶⁰ В документах ошибочно именуется Домник, Домнинский, Минский, а также значится старшим лейтенантом.

⁶¹ РГВА ф.34912 оп.1 д.1824. Обстоятельства интернирования капитана Алаткина остаются неясными.

⁶² Автор этой фразы, само воспроизведение которой представляло собой состав преступления, репрессирован не был.

«...Нам давали мяса один килограмм на 90 человек, хлеба грамм 300⁶³ серого, капуста да вода, а их солдаты кидаются до этого несчастного супа, как волк до махана». (Николай Шатов).

⁶³ В машинописной копии объяснительной Николая Шатова значится 800. Вероятно это опечатка, так как все остальные военнопленные пишут о выдаче 200–300 граммов хлеба в день.

Рацион военнопленных, состоявший из хлеба и чая, иллюстрируется фотографиями, предположительно сделанным во дворе лагеря «Хогоин» 14 июля 1939 года. Интересно отметить, что на столе перед пленным с забинтованной рукой, можно различить три онигири. Онигири представляют собой шарики из спрессованного пресного риса; это традиционная крестьянская пища, входившая в рацион солдат Императорской Армии. Никто из пленных в своих объяснительных при описании питания в лагере «Хогоин» об онигири (и вообще о рисе) не упоминает, предположительно они были доставлены с кухни жандармерии для постановочной фотографии.

Санитарное состояние лагеря было, по-видимому, относительно неплохим. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основании фотографий, опубликованных в июле-августе 1939 года в иностранной прессе. Пленным разрешили вымыться, их остригли и наголо обрили, сохранив при этом прически командному составу. Даже если это и было сделано в показательных целях, после вонючей хайларской тюрьмы такое мероприятие, несомненно, воспринималось с энтузиазмом.

Стрижка военнопленных снимок предположительно сделан в лагере «Хогоин». Life, 21 августа 1939 г.

Несмотря на существенное улучшение условий жизни, режим содержания в «Хогоине» трудно назвать мягким. От пленных требовалось постоянное выказывания почтения «самурайским офицерам и жандармам». Регулярные проверки сопровождались избиениями (военнопленных били по щекам, наступали на ноги, тыкали пальцами в глаза). Нарушения режима содержания, например, отказ кланяться жандарму, также имели следствием избиения:

«...Привезли, построили нас и давай объяснять, как надо уважать самурайских офицеров. Объясняли, что при встрече им нужно отдавать поклон, но когда пройдет [и] не поклонится, то вызывают в жандармерию и начинают бить...» (Борис Евдокимов).

«...Если в строю помотришь в сторону, то он в глаз тыкает: смотри прямо, никуда не шевелись. И много еще было издевательств». (Петр Еремеев).

«...Раз зашел в тюрьму генерал и мы ему не поклонились, как после того на проверке жандарм стал бить по лицу и спрашивал «хорошо?»» (Андрей Колчанов).

«...Потом один раз построились, пришел жандарм, начал ногой бить за то что неправильно стоял, нужно широко ноги держать». (Иван Поплавский).

«...В Харбине заставляли кланяться жандарму, я ответил, что не могу, они зазывают в помещение, берут за голову и начинают бить кулаками, их было 3 жандарма, они били сколько им хотелось». (Иван Горновский).

«...Раз я пошел без разрешения в уборную, это увидел офицер, он привел меня в свою комнату и стал бить за то, что без спроса ходил в уборную...» (Борис Евдокимов).

«...в Харбине, я лежал, пришел офицер, начал бить по голове и по лицу ладонью, говорит – нельзя лежать». (Иван Поплавский).

«...Когда мы сидели в тюрьме тоже били, если не поклонись ихнему офицеру, а офицер пройдет 10 или 15 раз в день, то каждый раз ему кланяешься...» (Павел Рогожников).

«...чуть что неправильно сделаешь, вызывают в жандармерию, все жандармы становятся в круг и начинают бить...» (Григорий Топилин).

«...Офицеры и жандармы входили в комнату и ревели как звери, как тигры. Придет, увидит, что не так сел, то начинает бить по щекам и бьет до тех пор, пока не устанет рука, или неправильно в строю поставил ноги, то начинает каблуком давить ноги, или как пойдешь оправляться и не поклонись, то бьет по щекам». (Тимофей Воронин).

«...Заставляли кланяться офицерам, я не кланялся, а они били. Били и за то, что не прямо смотришь на офицера. Били кулаком, палкой, пальцами тыкали в глаза...». (Яков Хомутов).

«...Заставляли кланяться офицерам, били за то, что неправильно поставишь ноги в строю, а то наступить на ноги и топчется, не назовешь господином – бьет. Редко нас не били». (Иван Давыдов).

Военнопленных подвергали также издевательствам за провинности – заставляли вычищать уборную голыми руками и предлагали пить из нее, запугивали демонстрацией штыковых приемов. Распространенным развлечением охраны «Хогоина» было истребление мух силами пленных:

«...И как днем ляжешь на пол, так берет к себе в контору жандарм, дает мухобойку бить мух, всех мух перебьешь и отпускает, и чтобы ему поклонился». (Петр Акимов).

«...меня заставляли убивать мух специально сделанной дощечкой, я плохо бил мух, а за это меня бил каждый день жандарм». (Борис Богачев).

«...иногда приходилось заставляли мух бить жандармам, иногда просмотришь муха его укусит, то он начинает бить...» (Егор Валов).

Кроме того, кэмпзи практиковали избияния в порядке развлечения: *«...Захочется жандарму почесать кулаки, приходит в нашу комнату, берет одного или двух человек, уводит к себе и начинает издеваться, заставляя работать на него, а сам в это время хлещет, потом пинком выбросит на улицу...» (Дмитрий Бянкин).*

В лагере имелось штрафное отделение для красноармейцев и младших командиров, куда помещались нарушители режима и лица, оказывавшие сопротивление режиму, отказывавшиеся давать показания на допросах и, демонстрирующие коммунистические убеждения. В штрафном отделении находилось до 12 военнопленных (в том числе Егор Валов, Иван Шерстнев, Дмитрий Бянкин). Режим содержания «штрафников» был более жестким, их чаще избивали, лишали пищи и воды, выводили на прогулку отдельно от остальных пленных: *«...Не кланеешься им, то они по целым дням есть не давали, садили в одиночку, если пить захочешь, то водили в уборную, показывали штыком, пей, дескать» (Дмитрий Бянкин).*

Для командного состава японцы практиковали содержание отказывающихся от сотрудничества пленных в одиночных камерах. Так были изолированы стойко державшиеся на допросах майор Владимир Стрекалов и лейтенант Павел Красночуб.

По крайней мере в одном случае пленного – лейтенанта Дмитрия Гусарова, первого летчика попавшего в плен в самом начале конфликта – отправили в Синьцзин (столицу Маньчжоу-Го), где его предположительно допрашивали в штабах 2-й авиадивизии и Квантунской армии.

«Сопровождая этот допрос похабной клеветой против СССР...»

Начиная с Хайлара, допрашивающие иногда пытались склонить пленных на свою сторону, «открыть им глаза». Как правило этим занимались белоэмигранты, так как японскую разведку пленные интересовали только как источник информации. Одну из таких попыток описал Ефим Кустов: *«...Затем когда допрашивали и говорили, зачем дескать вы воюете, я ответил, что ваши нарушают границы, то он отвечает, что Советский Союз нападает... и еще говорили, что Япония захватывает, а дескать устанавливает порядки»*. Красноармейца Кустова, однако, это не особенно убедило: *«когда повезли нас на поезде, то я сразу увидел, как они устанавливают порядки, где бы то ни попал китаец, то они всюду преследуют и обыскивают его и еще я видел в вагоне, когда сел китаец в вагон, то жандармы сразу же давай его обыскивать»*.

«Просветительская работа» во время допросов была довольно примитивной: *«...потом в Хайл аре вызвали меня на допрос, начали спрашивать что такое Маньчжурия, я говорю – не знаю, он солдату сказал чего-то, он принес палку и обратно спрашивает, что такое Маньчжурия я говорю не знаю, он меня палкой начал по голове бить, 4 раза ударил, но я ему ничего не сказал, он меня еще ногой ударил, ударил и выгнал меня, я пошел...»* (Иван Поплавский). *«На допросах спрашивал бандит, дескать зачем воюете с нами и говорили, что возьмем МНР, пойдем на Советский Союз и говорили, что все равно Россия будет наша»* (Павел Рогожников).

В Харбине пропаганда среди пленных была поставлена более системно. Занимались этим не столько японцы, сколько белоэмигранты, по-видимому преимущественно активисты Всероссийской Фашистской Партии К.В. Родзаевского, в этот период активно сотрудничавшей с японцами. Такой вывод можно сделать, например, из упоминаний в объяснительных вернувшихся из плена харбинской газеты «Нация», партийного издания ВФП, распространявшегося среди пленных. Соответственно пленных снабжали эмигрантской литературой (именуемой в материалах следствия то «революционной», то «контрреволюционной») и склоняли к отказу от возвращения в СССР, как пугая неминуемым расстрелом за измену Родине, так и прельщая благами жизни в Маньчжоу-Го. Лагерной администрацией была сделана попытка *«повесить иконы и заставить молиться»*, однако пленные отказались, сообщив позже об этом следователям как о факте скорее курьезном, чем действительно заслуживающем внимания. Тем не менее пропаганда имела определенный успех, вызвав среди пленных, в большинстве своем вчерашних колхозников, яростные споры о жизни в деревне. Часть пленных начала высказывать желание остаться в Маньчжурии и склонять к этому остальных, но в целом такие настроения распространения не получили.

Этнический состав пленных был достаточно монолитным, преобладали русские при незначительном числе украинцев. При этом какой-либо специализированной, ориентированной на украинцев, пропаганды отмечено не было. Однако в предложении, сделанном еще в Хайларе ногойцу Батыру Кайбалееву национальный мотив звучал: *«...мне говорят – здесь татар много, оставайся, будешь работать и т. д...»*. Еврею Хаиму Дробу таких предложений не делали: *«...ко мне как к еврею, они вообще обращались на допросах, как они говорят, что ты же жид, что «Вас нужно всех уничтожить потому, что советская власть, как пишет газета «Нация», это еврейская власть и как только уничтожим всех евреев, так и не будет советской власти». Они мотивируют это тем, что Карл Маркс был еврей...»*.

Воздействуя на умы пленных, японцы одновременно использовали факт их пленения для подготовки пропагандистских материалов – листовок и, реже, написанных от имени

пленных красноармейцев статей в газете «Харбинское Время». ⁶⁴ Согласно материалам следствия, «по заданию японцев и белогвардейцев писали контрреволюционные листовки» Иван Тиунов, Алексей Герасимов, Петр Панов, Александр Бурняшев и даже малограмотный Николай Митрофанов. Михаил Шахов не только «фотографировался для газеты «Харбинское время»», но и «писал контрреволюционные листовки, статью в эту газету». Более соответствующим действительности было утверждение, что «неоднократно писались листовки от имени» первого пленного халхингольской войны Хаима Дроба. Для подготовки пропагандистских материалов японцы собирали подписи на чистых листах бумаги – и большинство военнопленных такие подписи дали. При подготовке обвинения особы основывались на самом факте наличия подписей под теми или иными пропагандистскими материалами. Однако и майор госбезопасности Клименко, и капитан госбезопасности Панин, и уж тем более полковой комиссар Цебенко по долгу службы обязаны были знать, что японцы подписывали листовки и именами пропавших без вести, убитых и похороненных, и даже вполне здравствующих и в плен не попадавших бойцов и командиров РККА. Сведения об этих людях получались в процессе допросов, прослушивания эфира и, реже, телефонных сетей, а также изучения документов, подобранных на поле боя. Более того, совершенно такими же способами эту работу выполняли сотрудники политотдела штаба 1-й Армейской Группы, ответственные за разложение войск противника. ⁶⁵ Хорошо знакомый с этой деятельностью военный комиссар Фронтальной Группы корпусной комиссар Бирюков безжалостно вычеркнул из окончательного отчета о результатах следствия все упоминания о написании листовок военнопленными. В обвинительном заключении они уже не фигурировали, что дало возможность Военному Трибуналу избегать применения 58-й статьи.

Пленных много фотографировали, как на фронте, так и уже в лагере; в некоторых случаях разрешали фотографировать пленных иностранным журналистам. В литературе встречаются также упоминания об использовании изъятой у пленных военной формы в постановочных фотографиях, на которых позировали переодетые в нее русские солдаты отряда Асано. Тем не менее большую часть известных фотографий пленных следует считать аутентичными.

⁶⁴ Газета «Харбинское Время» издавалась в Харбине на русском языке с сентября 1931 года. Вопреки утверждениям некоторых современных исследователей, она была не эмигрантским изданием, но японской газетой на русском языке. Главным редактором газеты был японец Одзава (в ряде публикаций ошибочно Осава), в прошлом служащий Южно-Маньчжурской железной дороги.

⁶⁵ См. доклад о работе по разложению войск противника, подготовленный редактором «японской газеты» техником-интендантом Костриковым – РГВА ф.32113 оп.1 д.72 л. 159–191.

«При допросе мне сразу дали две пощечины...»

Из рассказов вернувшихся пленных следует, что характер допросов на фронте, в Хайларской и Харбинской военных миссиях (*токуму кикан*) существенно различался. В штабе 23-ей пехотной дивизии Ньюмура и его люди старались быстро выбить из пленных оперативную информацию военного характера, выясняя номера частей и их вооружение, фамилии командиров и комиссаров, количество и характеристики военной техники, не вдаваясь в политические вопросы.

В Хайларской военной миссии (начальник генерал-майор Ёкои Тадамити) допрашивающие интересовались, помимо практических военных вопросов, и другими предметами – взаимоотношениями в армии, отношением к командирам и политрукам, взаимодействием с монгольскими частями, расположением складов и аэродромов, источниками водоснабжения; больше внимания уделялось и личностям самих пленных. Допросы в большинстве случаев тоже сопровождались избиениями, особенно если пленный открыто демонстрировал отсутствие желания к сотрудничеству:

«...Утром повезли в город, глаза были завязаны, стали допрашивать. Я все говорил не знаю, а на вопрос сколько пушек в части, я сказал, что хватит про вас. После этого он враз вскочил, бросился на меня и стал избивать» (Иван Давыдов).

«...При допросе мне сразу дали две пощечины за то, что я неверно говорю в отношении артиллерии и не признаюсь, что я старослужащий. Тогда он толкнул меня и начал страдать обрезом, но у него ничего не вышло. Когда он заставлял дать подпись и я отказался, то он бил меня по щекам. А при уходе я не поклонился, он толкнул меня пинком в дверь» (Петр Еремеев).

В Харбинской военной миссии (начальник генерал-майор Хата Хикосабуро) допрашивающие больше интересовались общеполитическими вопросам: моральным духом армии, отношением к Сталину и ВКП(б), принадлежности пленных к партии и комсомолу, взаимоотношениями с монголами, работой политотделов, жизнью в СССР вообще и особенно – о колхозах, мясо- и молокопоставках, *«сопровождая этот допрос похабной клеветой против СССР»*. Иногда допрашивающие (как правило, японцы, но также и русские) демонстрировали поразительное непонимание реалий Красной Армии, задавая вопросы вроде «а где вы покупаете хлеб?». Сопоставление свидетельств военнопленных приводит к выводу, что в Харбине допрашивающие, особенно русские, получить пытались не столько информацию, сколько подтверждение своему пониманию СССР и РККА или склонить пленных на свою сторону. Однако признание красноармейцев и младших командиров в принадлежности к комсомолу, хорошем отношении к советской власти, к Сталину и Ворошилову, положительные отзывы о колхозах в большинстве случаев заканчивались избиением «за неправильный ответ»:

«Спрашивают, как живут колхозники, я говорю хорошо, хлеба хватает, мяса много, держат много скота, коров, овец, свиней. Тогда он соскочил с места, затопал ногами и закричал: не должно быть, чтобы в колхозе хорошо жили и стал бить меня по щекам». (Дмитрий Каракулов).

«Спрашивают, как у вас население смотрит на Сталина, я говорю – хорошо. А как вам лично Сталин. А для меня лучше родного отца – отвечаю я. Он говорит, вы – коммунист? – нет, а комсомолец? – нет. Тут он и давай меня бить и пинать». (Иван Давыдов).

«...Когда они убедились, что я не выдам военной тайны, то стали задавать политические вопросы, и я им рассказал про свою и всего народа [любовь] к тов. Сталину, тогда

белогвардеец и говорит: «тебе скоро смерть будет», я ответил ну, что ж, побыстрей бы смерть, я не боюсь. Белогвардеец рассердился и стал бить по щекам». (Федор Лукашек).

Интенсивность допросов была различной и, по-видимому, зависела от потенциальной ценности пленного с точки зрения допрашивающего. Так, например, танкиста Бориса Евдокимова допрашивали два раза, Петра Акимова – четыре. Других допрашивали чаще.

Режим допросов в Харбине был мягче хайларского: пленных чаще старались не столько запугать, сколько склонить к сотрудничеству: угощали сладостями и сигаретами, поили чаем, пивом, «вином», предлагали женщин. До женщин, кажется, дело не дошло, а вот с «вином» эпизоды случались регулярно. Так, например, Мефодия Шияна (по-видимому человека непьющего) японцы попытались напоить еще в Хайларской жандармерии: *«Посидев еще они тогда наливают мне из чайнику чашку водки, вместо чая, закрашенную и давай мне говорить – пей чай, я сказал что не хочу, ибо я знал, что это водка, он взял палку и замахивается на меня, говорит – пей, я взял, дотронулся и поставил, они стали надо мной смеяться».* В большинстве случаев, однако, пленные, рассказывая о предложениях выпить, использовали слово *вино*, но не *водка*, предположительно подразумевая при этом китайский *байцзю* (также *ханишин*).

В некоторых случаях практиковалось (по отношению к части пленных) «мягкое» проведение допроса с последующим избиванием пленного по возвращении в лагерь. В большинстве случаев, однако, допрашивающие не утруждали себя особыми «психологизмами». В общем, как лаконично выразился красноармеец Анатолий Дрантус, «в Харбине тоже били».

Если на фронте пленных чаще допрашивали японцы (иногда с русскими переводчиками), то в Хайларе доля участия белоэмигрантов была значительно выше. Одним из допрашивавших был бывший начальник артиллерии 36-й стрелковой дивизии майор Фронт,⁶⁶ в прошлом член ВКП(б) и кавалер Ордена Красного Знамени, в мае 1938 бежавший во Внутреннюю Монголию и с этого времени сотрудничавший с японской разведкой. Участие его и других «белых русских» в допросах вернувшиеся пленные характеризовали в предельно жестких выражениях: *«...На допросах били и русские и японцы»* (Спиридон Аликин), но именно: *«...Русские сволочи, гады, делали допросы очень мучительные».* (Тимофей Бакшеев).

«...особенно свирепо допрашивает белая свора, которая выслуживается перед японцами» (Александр Бурняшев).

«...когда вызывали на допрос 1-й раз, я говорил, что я шофером работал, а когда вызвали 2-й раз начали бить за то, что неправильно делал показания. Я не знаю за что бить толстый белогвардеец говорит вот за что и еще раз ударил, что неправильно говорит» (Борис Евдокимов).

«...А там на допросе меня заставляли говорить на Ворошилова «брешешь» и я не сказал, за это я получил по зубам от русского белого бандита» (Михаил Шахов).

Встречались, впрочем, и исключения: *«...Там тоже допрашивал белогвардеец, ругает, что неправильно говоришь, но на допросе меня не били, привезут в тюрьму, тогда бьют ихние офицеры, не знаю почему.»* (Батыр Кайбалеев).

⁶⁶ Фронт Герман Францевич, он же Ялмар Францевич.

«Наши пленные молча прошли мимо нас...»

«Если будешь отстреливаться, расстреляешь все патроны, тогда все равно тебя возьмут и расстреляют, а вот если не будешь отстреливаться и сдашься в плен, тогда могут не расстрелять и обменять, ведь в Испании наших обменивали».

штурман звена 5-й эскадрильи 150-го скоростного бомбардировочного авиаполка старший лейтенант Г.С. Залевский. Лето 1939 года.

Переговоры

Рамки процедуры обмена пленными были заданы соглашением Молотова – Того и изложены в совместном коммюнике, опубликованном ТАСС 15 сентября: «4. Пленные и трупы с обеих сторон подлежат обмену, о чем представители войск обеих сторон на месте немедленно договариваются между собою и приступают к исполнению». ⁶⁷ Текст коммюнике немедленно был передан командованию 1-й Армейской Группы, в дополнение к коммюнике шифротелеграммой № 179/ш за подписью Ворошилова и Шапошникова были отправлены инструкции по организации прекращения огня, однако в этом документе лишь указывалось, что «указания по выполнению пункта 4-го соглашения об обмене пленными и трупами будут даны дополнительно». ⁶⁸

Командованиями 1-й Армейской Группы и Квантунской Армии были созданы комиссии по проведению переговоров. Советской комиссией руководил заместитель командующего 1-й Армейской Группой комбриг Михаил Потапов, ⁶⁹ японской – начальник штаба 6-й армии генерал-майор Фудзимото Тэцукума. ⁷⁰ Парламентеры встретились на нейтральной полосе 16 сентября, 17-го имела место еще одна «техническая встреча», в ходе которой было согласовано время и место переговоров. Собственно переговоры комиссий начались 18 сентября, они проходили в палатке, установленной на нейтральной полосе, на южных скатах высоты «752», в 8 километрах юго-восточнее Номон-Хан – Бурд-Обо.

К этому времени политические органы РККА, на основании разведывательных данных и публикаций харбинской прессы уже могли приблизительно оценить количество советских и монгольских военнослужащих, находящихся в плену. В конце августа еще одним источником сведений стали показания японских военнопленных. Так, взятый в плен 25 августа рядовой 23-го разведывательного полка Сандзе Сэйдзи сообщил, что по дороге на фронт «он видел около 50 человек пленных красноармейцев. Их вели с завязанными глазами и били». ⁷¹ Аналогичные показания дал плененный 27 августа рядовой 71-го пехотного полка Морисита, видевший 15 раненых русских пленных в хайларском госпитале в конце июля или

⁶⁷ РГВА ф.33987 оп. 3 д.1222 л.53.

⁶⁸ РГВА ф.37977 оп.1 д.28 л.36.

⁶⁹ Утверждение Константина Симонова о производстве М.И. Потапова в комбриги именно в связи с переговорами (см. Симонов К.М. Далеко на Востоке. Советский писатель, М., 1969, стр. 69–70) вполне подтверждается документальными данными – звание было ему присвоено специальным приказом НКО № 04136 от 16.9.39 и на переговорах 18 сентября он появился уже с ромбами в петлицах.

⁷⁰ В ряде советских документов Фудзимото фигурирует как Гомофудзима Ота и Фаданмото. Можно предполагать, что фамилия Потапова в японских документах искажалась не менее анекдотичным образом.

⁷¹ РГВА ф.9 оп. 36 д.3538 л.36. Протокол допроса Сандзе Сэйдзи не позволяет установить, где и когда он наблюдал перевозку пленных.

начале августа.⁷² Соответственно осуществлявший общее руководство переговорами командующий Фронтвой Группой командарм 2-го ранга Г.М. Штерн полагал, что в распоряжении японцев находятся около 50 человек советских и монгольских солдат, а в первый день переговоров генерал-майор Фудзимото эту цифру официально подтвердил.⁷³

К этому времени общая численность находившихся в советском плену солдат и офицеров японской и маньчжурской армий составляла более 200 человек,⁷⁴ не считая числившихся интернированными маньчжурских перебежчиков, которых по состоянию на 26 августа имелось не менее 270 человек.⁷⁵ Стоит отметить, что общую численность японских и маньчжурских военнопленных нельзя считать окончательно установленной. По японским оценкам в советский плен могло попасть от 1000 до 4000 человек, и до сих пор «наиболее надежной цифрой» считается «более трех тысяч».⁷⁶ Однако в справке о японских потерях, подготовленной для Ворошилова в октябре 1939 года, указано, что в советской прессе опубликована цифра 566 пленных, однако «фактически 464, из коих 88 возвращены японцам в обмен».⁷⁷ При этом, однако, следует учитывать, что в представленной Наркому справке в общую цифру (464) были включены не только военнопленные, но и перебежчики; кроме того неясно, были ли из нее исключены умершие от ран. Но, так или иначе, в распоряжении советского командования к моменту начала переговоров и без перебежчиков имелось не менее двухсот военнопленных – заведомо больше чем советских и монгольских пленников у японцев.

В ходе переговоров 18 сентября японское командование выразило желание провести обмен пленных через 7 дней, предполагалось что будет происходить обмен из расчета «всех на всех», причем японских военнопленных планировалось передавать на фронте, а советских – на станции Маньчжурия. Тяжелораненые должны быть доставлены самолетами. Кроме того, «для сохранения чести» японцы попросили Потапова разрешить пленным иметь при себе – офицерам сабли, а унтер-офицерам и рядовым штыки, но на встречный вопрос Потапова «а если у них нет?» – не нашлись, что ответить. Комкор Жуков, руководивший переговорами со своего командного пункта на Хамар-Дабэ, сообщил пожелания японской комиссии находившемуся в Чите Штерну и предложил менять пленных из расчета «одного на одного». Штерн, в своем донесении Ворошилову о ходе переговоров, согласился с этим предложением, подчеркнув, что, по его мнению, обмен пленными следует производить именно на линии фронта, *«дабы японские солдаты видели, что пленных мы сохраняем»*. Ворошилов не возражал, указав Штерну вылететь в Тамцак-Булак *«для личного руководства нашей делегацией т. к. по опыту Хасана известно, что японцы⁷⁸ очень охочи не только до бесконечной волокиты, то так способны на всякие каверзы, а люди в нашей делегации не особенно разбираются в таких делах»*. Решение Ворошилова было доложено Сталину, Молотову и Берия во второй половине дня 18 сентября.⁷⁹

Из-за плохой погоды командарм 2-го ранга Штерн и комиссар Фронтвой Группы корпусной комиссар Бирюков не смогли вылететь немедленно. Они добрались до Там-

⁷² РГВА ф.9 оп. 36 д.3538 л.49.

⁷³ РГВА ф.33987 оп. 3 д.1228 л.21,37.

⁷⁴ РГВА ф.32113 оп.1 д.294 л.62; ф.37977 оп.1 д.78 л.47–49. Численность военнопленных японской и маньчжурской армий в известных советских документах незначительно варьирует (216, 221 и др.).

⁷⁵ Документы содержат различные данные о численности солдат и офицеров армии Маньчжоу-Го, перешедших на сторону советско-маньчжурских войск 22–26 августа. Согласно РГВА ф.37977 оп.1 д.89 л. 181 их было 277 человек, согласно РГВА ф.37977 оп.1 д.60 л. 109 и РГВА ф.37977 оп.1 д.79 л.42, 43, 46 – от 276 до 280 человек.

⁷⁶ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, pp. 929, 1160.

⁷⁷ РГВА ф.33987 оп. 3 д.1207 л.112.

⁷⁸ В черновике, написанном Ворошиловым, здесь вычеркнута фраза «[японцы] попытаются навязать нашим людям какой-нибудь каверзный документик».

⁷⁹ РГВА ф.33987 оп. 3 д.1228 л.21–22,37–38.

цак-Булака лишь в 15.30 19 сентября, через полчаса после того, как на нейтральной полосе начался очередной раунд переговоров. К его началу новых указаний из Москвы не поступило, прежде всего по самому главному вопросу – сдавать ли японцам всех пленных или обменивать из расчета «одного на одного». Вероятно, Ворошилов не хотел принимать решение сам, без согласования со Сталиным и Молотовым. Поэтому Жуков приказал *«проинформировать нашу комиссию по переговорам, что сейчас проверяются и уточняются сведения по госпиталям и городам и сведения о пленных не позднее 20.9.39 могут быть сообщены японцам»*.⁸⁰

20 сентября, однако, тема обмена пленными на переговорах практически не обсуждалась, так как комиссии были полностью заняты вопросами процедуры обмена трупами погибших. Условились лишь произвести обмен пленными 27 сентября, в день окончания передачи трупов японских солдат.

⁸⁰ РГВА ф.33987 оп. 3 д.1228 л.27.

Обмен

26 сентября советские военнопленные, содержащиеся в харбинском лагере, были отправлены поездом в Хайлар и далее на грузовиках к месту обмена. Режим был относительно мягким, пленным лишь «не давали смотреть на волю»; тем не менее майор Стрекалов после обмена смог доложить о наблюдавшемся им движении к Хайлару с юга колонны до 500 машин с солдатами и грузами и до полутора полков японской артиллерии.

Обмен пленными производился в двух местах – невредимых, выздоровевших и легкораненых передавали в нейтральной полосе на южных скатах высоты «752», в 8 километрах юго-восточнее Номон-Хан – Бурд-Обо, на том же месте, где велись переговоры. Тяжелораненых, которые могли не выдержать продолжительную перевозку на грузовике, доставили самолетами на выбранную в степи западнее или юго-западнее Номон-Хан – Бурд-Обо полевою посадочную площадку.

Официальные отчеты не содержат описаний процедуры обмена, поэтому остается обратиться к воспоминаниям очевидцев, написанным в шестидесятые годы и, вполне естественно, содержащим ошибки и неточности. Таких очевидцев известно двое – майор Ньюмура Мацуити, представитель японского командования, непосредственно сопровождавший советских пленных к месту обмена и принимавший возвращенных японцев и Константин Симонов, в момент событий техник-интендант 2-го ранга и военный корреспондент газеты 1-й Армейской Группы «Героическая красноармейская».

Согласно Константину Симонову *«Передача пленных происходила 2 октября⁸¹ в двух пунктах: передача здоровых, а вернее, ходячих, пленных была назначена там же, где раньше велись переговоры, в центре, чуть ближе к правому флангу наших позиций. А передача тяжелораненых и не могущих двигаться назначена была ближе к нашему левому флангу, километра за полтора перед нашими позициями, на поле, которое могло служить аэродромом. Туда должны были прилететь наши самолеты, груженные японскими пленными, и их самолеты, груженные нашими пленными»*.

Мы с Ортенбергом приехали к месту передачи ходячих пленных рано, за час до начала процедуры. По дороге мы обогнали человек двести, маршировавших под конвоем, японцев, половина из них – легкораненые – гили с повязками, человек тридцать ехали на грузовиках.

Едва мы прибыли на место, как выяснилось, что кто-то чего-то не предусмотрел, и в результате все представители – и нагн и японские – оказались здесь. А туда, где будут передавать тяжелораненых, не послано ни одного представителя.

Между тем условленное время передачи приближалось. Чтобы понять последующее, надо представить себе схему расположения наших и японских позиций. Нагн, шедшие по границе позиции представляли собой в этом месте вогнутую в нагну сторону дугу. Таким образом, для того, чтобы проехать с правого фланга на левый по нашим дорогам, шедшим за нашими позициями, надо было делать объезд по всей этой дуге. Если же сделать тот же путь – с фланга на фланг – через японские позиции, можно было ехать по хорде этой окружности, то есть по значительно более короткой дороге.

Наш представитель – майор, которого теперь собирались отправить вместе с переводчиком туда, на левый фланг, – поехав в объезд дорогами, шедшими позади наших позиций, явно опоздал бы к началу передачи. Это сорвало бы намеченный ритуал, а мы хотели в точности придерживаться его.

⁸¹ По-видимому, этим числом датирована соответствующая запись в дневнике К.М. Симонова.

Тогда тут же, на месте, неожиданно быстро договорились с японцами, и их представитель, полковник, взялся ехать вместе с нашими по прямой через японское расположение. Ортенберг, который в таких случаях мгновенно ориентировался, буквально впихнул меня в «эмку», рядом с переводчиком, прошептал мне в ухо, чтобы я не валял дурака, пользовался случаем и ехал: Там будет у тебя настоящий материал! Гораздо интереснее, чем околачиваться тут! [...]

Наконец мы приехали на площадку, где должны были приземляться самолеты. По условиям, самолетов должно было приземлиться восемь: четыре с нашей стороны и четыре с японской.

Через несколько минут после нашего приезда первыми, согласно условию, стали приземляться японские самолеты. Три из них пришли пустыми только для того, чтобы забрать японских пленных. Только на четвертом оказались тяжелораненые наши – человек двенадцать: небритые, грязные, обросшие, ужасно исхудалые, в большинстве с тяжелыми ранениями, некоторые с ампутациями.

Один взятый еще в мае старшина был страшно худой, заросший до глаз бородой, в которой появилась седина, с свалившимися глазами, с перебинтованной грудью, с одной ногой в шине и, что меня особенно поразило, в обгорелой гимнастерке без одного рукава. Так он был взят на поле боя, раненный в грудь, ногу и руку, в обгоревшей гимнастерке, и в таком же виде его возвращали нам через пять месяцев.⁸²

Здесь же на площадке стоял наш маленький санитарный автобус. Оттуда раненым быстро притащили еду, шоколад, кажется, сгущенное молоко и еще что-то, поили их и кормили. Минут через пятнадцать подошли и наши самолеты; они снизились один за другим, и наши с помощью японцев стали вытаскивать оттуда японских тяжелораненых. Было их, по-моему, человек семьдесят, все на носилках, все тяжелые; некоторые могли садиться на носилках, некоторые лежали пластом. Все были одеты в чистое белье и в чистенькое, новенькое, с иголки, японское обмундирование. Рядом с каждым лежала на носилках новенькая японская шинель, каждый был накрыт до пояса новеньким японским одеялом, словом, видимо, все соответствовало инструкции – «сдать в полном порядке».

Я так и слышу, как звучат эти слова: «Сдать в полном порядке». Сдали действительно в полном порядке. Кстати сказать, это было нетрудно: в наши руки попало не то пятнадцать, не то двадцать тысяч полных комплектов зимнего обмундирования, завезенного японцами в предвидении зимней кампании.

Японцы лежали мрачно и тихо, чувствовалась их угнетенность. Полковник Харада, очень любезный и улыбчивый с нами, вдруг стал говорить каким-то свистящим, как хлыст, голосом. Бывшие тут же два японских майора и два капитана, – как выяснилось, военные врачи, – распоряжались выгрузкой и главным образом погрузкой пленных на самолеты. Японские санитары действовали грубо, швыряли носилки об землю, но никто из раненых не застонал и не охнул. Наши вытаскивали их гораздо мягче, вежливей, и даже не вежливей, а просто-напросто сердечней.

Японцы вели себя со своими ранеными нарочито грубо. В этом чувствовалась не столько действительная грубость, сколько необходимость быть грубыми на глазах у начальства, необходимость показать презрение к этим пленным. Санитары старались вовсю. Доктора считали носилки и тоже разговаривали резкими и свистящими голосами. Ни один из них так и не ответил на те несколько вопросов, которые – стоя рядом, я слышал это – задали им пленные. Врачи и санитары, не стесняясь, перешигивали через носилки.

⁸² Имеющиеся данные не позволяют установить личность этого человека. Из взятых в плен в мае старшиной был только Хаим Дроб, но он не был ранен.

Потом, когда выгрузили всех пленных, санитары вдруг появились с пачками белой бумаги, пошли вдоль рядов и одному за другим, быстро и грубо, начали надевать каждому из раненых на головы колпаки, похожие на большие пакеты, в которые у нас в магазинах насыпают крупу. Эти большие пакеты из плотной, в несколько рядов склеенной бумаги напяливались пленным на головы.

Как-то странно и тяжело было смотреть, как тем из раненых, кто сам не мог приподнять голову, грубо приподнимали ее и нахлобучивали на нее пакет, а следующий, тот, кто мог поднимать голову, уже сам приподнимался на локтях и вытягивал шею навстречу пакету.

Полковник Харада проходил мимо меня. Я задержал его и спросил: что они делают с пленными? Он быстро остановился и произвел на своем лице два необыкновенно быстрых движения: сначала он быстро улыбнулся. Это был жест по отношению ко мне – он отвечал на мой вопрос. Потом эта улыбка так же быстро исчезла, и нижняя губа полковника оттянулась в надменную гримасу. Кивнув на пленных и сделав очень короткий и очень презрительный жест в их сторону, он сказал:

– Это надевают на них для их пользы, чтобы им было не стыдно смотреть в лицо офицерам и солдатам императорской армии.

Наверно, надо было сказать ему, что после всего происшедшего на Халхин-Голе некоторым генералам и офицерам японской армии следовало бы надеть на голову такие мешки, чтобы им не было стыдно смотреть на своих возвращающихся из плена солдат, но, как часто в таких случаях бывает, эта мысль пришла мне в голову позднее, чем нужно, Харада уже отошел и отдавал какие-то распоряжения.

Пленных японцев быстро и грубо запихивали, именно запихивали, в японские самолеты, наших погрузили в один из наших самолетов. Самолеты один за другим начали подниматься в воздух, а мы остались на быстро опустевшей посадочной площадке».⁸³

Тем временем на «главном» пункте происходил обмен пленными, способными передвигаться самостоятельно. Ньюмура Мацуити, доставивший советских пленных из харбинского лагеря, рассказывал: «Здесь, маршируя в колонне по двое к месту своего назначения, русские пленные быстро оставили на траве все предметы, полученные от японцев – зубные щетки, полотенца, бумагу и прочее. Потапов⁸⁴ приветствовал солдат и поблагодарил их за труды, после чего они хором закричали «Ура Потапову!». В то время как японские военнопленные выглядели подавленными и стыдящимися, русские были счастливыми, гордыми, в приподнятом настроении. Разместившись в грузовиках, они начали петь военную песню. Ньюмура был убежден, что советский консул в Харбине заранее установил связь с пленными, вероятно, посредством агентов, и убедил их, что они не будут наказаны, но, напротив – награждены за то, что хорошо сражались. Никто из военнопленных не захотел остаться у японцев. На Ньюмуру хорошо организованное представление не произвело впечатления, в сталинистскую эру репатриированным русским солдатам, несомненно, предстояли тяжелые времена».⁸⁵

⁸³ Симонов К.М. Далеко на Востоке. Советский писатель, М., 1969, стр. 91–93, 100–104.

⁸⁴ Комбриг Михаил Потапов, заместитель командующего 1-й Армейской Группой.

⁸⁵ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, pp. 930–931.

Кадры кинохроники, снятой оператором Сергеем Гусевым во время обмена военнопленными, 27 сентября 1939 года, район в 8 километрах юго-восточнее Номон-Хан – Бурд-Обо

На левом фланге строя военнопленных – лейтенант Дмитрий Гусаров

Продолжает Константин Симонов: «...К тому времени, когда мы вернулись, церемония опроса и подсчета была закончена, и мимо нас промаришировали пленные.

Вначале прошли наши, их было человек восемьдесят. Во главе их шел одетый в синий танкистский комбинезон худой, черный, бородатый человек с печальными глазами и рукой на перевязи. Это, как мне сказали, был майор командир батальона нашей бронетанковой бригады. Его считали погибшим в одном из боев еще в июле. Но оказалось, что он в плену. Как старший по званию среди пленных, он вел колонну.⁸⁶

Наши пленные молча прошли мимо нас и скрылись за поворотом дороги, уходившей к нашим позициям. Потом прошли японцы. Замыкая их колонну, ехали две открытые машины, в которых сидели раненые главным образом в ноги.

Дорога. По ней, замыкая колонну, едет последняя машина с японскими пленными. Она едет сначала мимо маленькой группы наших врачей и сестер, потом мимо группы наших командиров, руководивших передачей, потом мимо большой группы японских офицеров.

И вот на этом последнем куске дороги, под взглядами всех, кто стоит по сторонам ее, в кузове последней машины поднимается японец и демонстративно долго приветственно машет нашим врачам и сестрам перевязанной бинтом кистью.

Все стоят молча, наши и японцы, все это видят. А он, приподнявшись в кузове, все машет и машет рукой, машет долго, до тех пор, пока машина не скрывается за поворотом.

Кто был этот человек? Японский коммунист или просто человек, которому спасли жизнь наши врачи и который, несмотря ни на что, хотел выразить им последнюю благодарность? Что ждало этого человека там, в Японии: дисциплинарное взыскание или военный суд? Не знаю, но эта сцена до сих пор живет в моей памяти. Потом, вернувшись с Халхин-Гола, я написал об этом стихотворение «Самый храбрый», но мне не удалось выразить в нем все то, что было у меня на сердце, когда я видел эту сцену.⁸⁷

Передача пленных происходила в два этапа. 27 сентября состоялся первый обмен, в ходе которого советской стороне были переданы 87 военнопленных, 25 из которых имели

⁸⁶ Идентифицируется как майор Владимир Стрекалов, командир 247-го автобронепатальона 7-й мотобронепатальона.

⁸⁷ Симонов К.М. Далеко на Востоке. Советский писатель, М., 1969, стр. 107–108.

ранения. *«Японцы передали нам наших пленных в очень плохом виде: переутомлены, оборваны, часть в одном нижнем белье и босиком».* Взамен японцам были переданы 64 военнопленных (по национальности: японцев 54, баргут 10; по воинским званиям: офицеров 1, унтер-офицеров 3, ефрейторов 7, солдат 53), при этом 37 человек были переданы ранеными. *«Все пленные переданы в хорошем состоянии и обмундированы в новое японское трофейное обмундирование».*⁸⁸

По мнению японской стороны, «русские хотели сначала увидеть, сколько пленных вернется», поэтому передали в первый день только 64 человека. Тем не менее в выявленных документах не имеется следов какого-либо конфликта советской и японской комиссий по этому вопросу. Еще 24 человека (20 японцев и 4 маньчжура) были переданы 29 сентября, советские наблюдатели доложили, что *«они 20 человек японцев посадили на грузовики и увезли, а 4 человека маньчжур оставили на месте передачи до темноты».*⁸⁹ Таким образом в общей сложности 27 и 29 сентября 1939 года Квантунской армии было передано 88 человек военнопленных.

27 сентября передано:			
Военнослужащих РККА	77	54	Японцев
Военнослужащих МНРА	10	10	Баргутов
Итого:	87	64	
29 сентября передано:			
Военнослужащих РККА	нет	20	Японцев
Военнослужащих МНРА	нет	4	Маньчжуров
Итого:	нет	24	
Всего:	87	88	

Примечания:

1. Таблица составлена на основании шифротелеграмм Жукова Ворошилову № 1602 от 28 сентября и № 1646 от 30 сентября 1939 г.⁹⁰ с уточнениями по другим источникам.

2. Так как некоторые военнопленные японцы служили в армии Маньчжоу-Го в качестве инструкторов, а баргуты и маньчжуры в японских частях в качестве переводчиков и водителей, разделить их по принадлежности к Армии Великой Японской империи и Маньчжурской Императорской Армии на основании имеющихся документов не представляется возможным.

Количество пленных, переданных ранеными, в источниках указывается по разному. Согласно первому донесению об обмене пленными, среди них было 25 человек раненых. Однако в отчете комиссии по опросу военнопленных указано, что при взятии в плен не смогли оказать сопротивление вследствие ранений 12 человек. В окончательной версии доклада 12 было исправлено на 13.⁹¹ По-видимому, эти цифры (12–13 человек) относятся к числу тяжелораненых, что дополнительно подтверждается приведенным выше свидетель-

⁸⁸ В донесении Жукова Ворошилову (Шифротелеграмма № 1602 от 28 сентября, РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.47) указано 88 человек, в том числе из состава частей РККА: командноначальствующего состава 8 человек, младшего командного состава 6 человек, красноармейцев 64 человека, всего 78; пикиров МИРА — 10 человек. Сопоставление этих цифр со списками, подготовленными комиссией по опросу пленных, показывает 77 фамилий бойцов и командиров РККА – в том числе: командно-начальствующего состава 8 человек, младшего командного состава 13 человек, красноармейцев 56 человек. За отсутствием «первичного» списка, составленного 27 сентября, установить причины расхождений не представляется возможным. Ошибочность указанных в шифротелеграмме № 1602 цифр подтверждается японскими данными, согласно которым было передано 87 человек бывших военнопленных.

⁸⁹ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.58–61. По опубликованным в литературе японским данным второй обмен пленными состоялся 28 сентября.

⁹⁰ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.47–49, 58–61; входящие номера шифротелеграмм по нумерации шифровального отдела НКО М» 28950/ш и 29177/ш соответственно.

⁹¹ РГВА ф.9 оп.36 д.3541 л.230; ф.37977 оп.1 д.78 л.47.

ством рядового 71-го пехотного полка Морисита (15 раненых русских пленных, виденных им в хайларском госпитале) и Константина Симонова («человек двенадцать», доставленных одним самолетом).

Аналогичное расхождение наблюдается между данными противников в отношении числа раненых японских солдат, переданных советской стороной в ходе обмена. По японским данным раненых было не 37, но 50 человек, из которых трое в тот же день умерли. Такое расхождение в цифрах может быть объяснено тем, что составители советского отчета учли как раненых только тяжелораненых, доставленных самолетами, а японцы – всех военнослужащих, имевших ранения. Японские врачи признали, что пленных лечили хорошо, а некоторые предметы медицинского имущества, переданные с ранеными – например, шины – были по качеству исполнения лучше японских.⁹²

Таким образом, к 16.00 27 сентября советские и монгольские военнопленные были возвращены. Часом ранее, в тот момент, когда у Номон-Хан – Бурд-Обо еще продолжался опрос бывших пленных, командование 1-й Армейской Группы затребовало у Москвы инструкций по порядку обращения с возвратившимися. В шифротелеграмме выражалось опасение, что *«в числе возвращающихся пленных японцы могут подsunуть белогвардейцев и возможно часть наших пленных будет ими завербована»* и предлагалось в свои части их не возвращать, провести опознание и собрать компрометирующие материалы.⁹³ Не следует считать это параноидальной шпиономанией – с японскими и маньчжурскими военнопленными также проводилась соответствующая работа. Оставление японских военнопленных для разведывательной подготовки можно считать документально подтвержденным – в расчете количества японских пленных, оставшихся после обмена «один на один» указано, что подготовленных для разведывательной работы по состоянию на вечер 27 сентября имелось 22 человека, находились они в Улан-Баторе.⁹⁴ Еще 10 человек были отправлены в Москву, однако известные документы не дают ответа на вопрос – с какой целью.

Принимавший японских военнопленных майор Ньюмура также рассказывал Элвину Куксу, что существенная часть бывших пленных японцев по возвращении добровольно призналась в сотрудничестве с советской разведкой и сообщила выданные им пароли. Некоторые в таком сотрудничестве не признались, однако при тщательном обыске их одежды сотрудниками *кэмпэйтэй* были найдены зашитые в швах инструкции по разведывательной деятельности. Эти бывшие военнопленные были наказаны.⁹⁵ Советская контрразведка таких результатов не получила. Несомненно, пленных тщательно обыскали и подвергли допросам, но никаких предположений о вербовке военнопленных японскими разведывательными органами в отчете о результатах следствия заявлено не было. Лишь в отношении одного красноармейца, Тимофея Бакшеева, на основании свидетельств остальных, было высказано *подозрение* в шпионской деятельности. Однако в окончательной версии отчета этого предположения уже нет, а трибунал счел подозрение недоказанным.

Первоначально бывшие военнопленные были сосредоточены в Тамцак-Булаке, куда от частей вызывались представители для их опознания и написания характеристик. Результаты опознания оказались несколько неожиданным. Все вернувшиеся были опознаны своими командирами, однако выяснилось, что пятеро бывших пленных значатся в своих частях даже не пропавшими без вести, а погибшими, найденными, опознанными и похороненными:

⁹² Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 931.

⁹³ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.46.

⁹⁴ РГВА ф.32113 оп.1 д.294 л.63, пометки на обороте листа и РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.47–49.

⁹⁵ Coox, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford University Press, Stanford, California, 1990, p. 936.

Майор Стрекалов Владимир Северьянович – 3 июля «сгорел в танке и похоронен в братской могиле у реки Халхин-Гол».

Лейтенант Красночуб Павел Яковлевич – по одному из списков потерь «найден и похоронен наземными частями» (без указания места захоронения).

Младший комвзвод Еремеев Петр Прокофьевич – 3 июля «похоронен в братской могиле в районе боя».

Отделенный командир Евдокимов Борис Илларионович – «убит 3 июля, опознан и похоронен в период с 4 по 8 июля в братской могиле "точка № 2"», о чем имеется акт за подписью старшего политрука Живолукова.

Красноармеец Тиунов Кузьма Дмитриевич – «1 августа умер от тяжелого ранения в голову в армейском госпитале и похоронен на госпитальном кладбище».

Тем временем переговоры по оставшимся не переданными военнопленным продолжались. К концу дня 27 сентября советская комиссия, опросив возвратившихся пленных, пришла к заключению, что не переданными остаются 10 человек: капитаны Алаткин и Казаков, воентехник 2-го ранга Домнин, лейтенант Еретин, красноармейцы Носачев, Шахов и Пештохов «о которых писалось в газете «Харбинское время»», циррик Толтонтян и гражданские авиаторы Гусаров и Попов. На следующий день, 28 сентября, советская комиссия предъявила японскому представителю полковнику Кусуноки требование о передаче названных десяти человек, однако последний ответил, что японскому командованию ничего о них неизвестно. После вторичного требования (по-видимому, сопровождавшегося демонстрацией публикаций в «Харбинском времени»), Кусуноки, посоветовавшись с генерал-майором Фудзимото, заявил, что *«некоторые фамилии названных лиц японскому командованию известны, но они перебежали к нам, поэтому японское командование считает их не пленными, а политическими преступниками и передать их не может. В отношении других будут наведены справки об их местонахождении и в случае, если они окажутся пленными, а не политическими преступниками, [то они] будут переданы советскому командованию»*. На вопрос *«кто именно из некоторых фамилий японскому командованию известен, что они являются политическими преступниками»* японцы ответа не дали, пообещав разобраться в течение суток.⁹⁶

29 сентября комбриг Потапов направил Фудзимото официальное письменное требование о передаче остававшихся в японском плену.⁹⁷ Требование было вручено подполковнику Танака. На этот раз японцы были несколько более определенны: *«3 человека к нам перешли добровольно, мы их пленными не считаем, а это по вашему они называются политическими преступниками. 5 человек нам совершенно неизвестны. Летчик Гусаров и синоптик Попов к данному инциденту не относятся, о них можно говорить через представителя нашего государства»*. Этот ответ советскую комиссию не удовлетворил и от подполковника потребовали подробностей. Танака «высказал свое личное мнение»:

«1. Три человека нам сдались сами. Пяти человек у нас нет совершенно.

2. Фамилии трех человек, сдавшихся нам не сообщим до сих пор, пока нам не будут сообщены фамилии 250 человек манчжур сдавшихся вам.

3. О летчике и синоптике местное командование решить не может.

⁹⁶ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.56–57. Шифротелеграмма Жукова Ворошилову № 1622 (входящий номер по нумерации шифровального отдела НКО № 29176/ш).

⁹⁷ Требование сохранилось в изобилующем ошибками в написании фамилий варианте, переданном по телеграфу в Москву в адрес Ворошилова. Выяснить, содержались ли в оригинале искаженные написания фамилий, не представляется возможным.

4. По нашим данным у вас имеется еще много наших пленных. Просим их всех вернуть...». ⁹⁸

Таким образом возвращения оставшихся 10 заключенных лагеря «Хогоин» добиться не удавалось. В качестве меры давления командование 1-й Армейской

Группы, начало задерживать японских военнослужащих, тем или иным образом оказывавшихся близ советских позиций, как правило в полосе между передним краем и боевым охранением. Собственно, такие случаи бывали и раньше – практически с момента перемирия деятельность на нейтральной полосе не прекращалась – обе стороны вели разведку, эвакуировали поврежденную технику и собирали трофеи. Кроме того, в период с 23 сентября по 1 октября в расположении советских войск работали японские команды, откапывавшие и вывозившие трупы своих солдат (с ними, однако, никаких инцидентов не случилось). В большинстве случаев дело ограничивалось выдавливанием нарушителей на сопредельную сторону и взаимными протестами, однако случались и задержания.

18 сентября около 14.00 в трех километрах северо-западнее Номон-Хан – Бурд-Обо боевым охранением 1-го стрелкового полка 152-й дивизии был остановлен трехтонный «Форд», приехавший со стороны озера Узур-Нур. В машине оказались трое рядовых 1-го разряда 28-го пехотного полка 7-й дивизии – Утияма Икома, Оиси Мотохиро и Курии Синэо. Они рассказали, что ехали в Номон-Хан за запасными частями и заблудились. ⁹⁹ Согласно литературной записи переговоров ¹⁰⁰ 21 сентября комбриг Потапов проинформировал генерал-майора Фудзимото об этом задержании: «...два ротных и шофер – заблудились в темноте. Они не имели намерения воевать. Скоро они придут сюда, на место переговоров и будут переданы японской стороне». Уже в 16.57 грузовик и трое солдат были приняты по акту «представителем Ниппонской местной армии» подпоручиком Фукуяма.

25 сентября около 15.30 практически на том же месте была остановлена ремонтная летучка, принадлежавшая 1-му автомобильному полку Квантунской армии. На этот раз были задержаны унтер-офицер, солдат-шофер и трое вольнонаемных в гражданской одежде. ¹⁰¹ Скорее всего, через два-три дня их тоже освободили бы, если бы не последовавшее 27 сентября, в день первого обмена военнопленными, обострение обстановки на границе.

27 сентября около 12.30, вновь северо-западнее Номон-Хан – Бурд-Обо, советской заставой были остановлены уже две машины – легковая и грузовая. На этот раз были задержаны капитан Като и три солдата. Согласно первому донесению, он заявил, что выполнял задание по обмену пленными и заблудился, однако позже почему-то утверждал, что входит в состав комиссии по уточнению границы. Около 17.00 юго-восточнее Мухур-Обо к 28-му посту ВНОС приблизились два японских грузовика с белыми и красными флагами. На машинах находилось трое офицеров и 20–25 солдат, которые потребовали пропустить их на восточный берег озера Буир-Нур. Начальник поста младший лейтенант Пантелеев, не имевший никаких инструкций на этот случай, просто предложил японцам удалиться – и грузовики вернулись на свою территорию. ¹⁰² Последний инцидент произошел в 23 часа – опять в 4 километрах северо-западнее Номон-Хан – Бурд-Обо. На этот раз был задержан грузовик 23-го разведывательного полка 23-ей дивизии, в котором находились подпоручик Сато и три солдата; заявившие, что они заблудились при выполнении задания по обмену пленными. ¹⁰³

⁹⁸ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.58–61.

⁹⁹ РГВА ф.32113, оп.1 д.296 л.80–83; ф.37977 оп.1 д.91 л.76–77.

¹⁰⁰ В качестве писаря в переговорах участвовал известный писатель и литературный функционер батальонный комиссар запаса В.П. Ставский (Кирпичников). «Литературные записи» Ставского о ходе переговоров имели статус официального документа и передавались на узел связи НКО шифротелеграмми.

¹⁰¹ РГВА ф.37977 оп.1 д.91 л.82.

¹⁰² РГВА ф.37977 оп.1 д.91 л.43–85.

¹⁰³ РГВА ф.37977 оп.1 д.91 л.86.

Группы капитана Като и подпоручика Сато, состоявшие из солдат 13-го артиллерийского, 23-го разведывательного и 72-го пехотного полков 23-ей дивизии и штаба сменявшей ее на фронте 2-й дивизии, были вывезены на западный берег Халхин-Гола и оставлены под охраной в 13 километрах западнее горы Хамардаба.

Японцы заявили протест только 1 октября, после того, как были прекращены эксгумационные работы. На следующий день, 2 октября, в нейтральной полосе в течение без малого пяти часов советский и японский представители пытались договориться о возвращении удерживаемых людей. Обе стороны были непреклонны. Подполковник Танака настаивал на возвращении 13 человек, задержанных 25–27 сентября (и в дальнейшем именовавшихся в переписке «группой капитана Като»), а майор Лукьянченко отвечал, что их можно будет выдать лишь на условиях возвращения *«всех наших людей, оставшихся не обмененными и указанные в нашем протесте 29 сентября»*. Переговоры завершились ничем, стороны договорились собраться полным составом комиссий на следующий день.¹⁰⁴

¹⁰⁴ РГВА ф.37977 оп.1 д.78 л.62.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.